



Владимир Малыгин

ЕСЛИ БОГИ
ЗА НАС!

Попаданец (АСТ)

Владимир Малыгин

Если боги за нас!

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Малыгин В. В.

Если боги за нас! / В. В. Малыгин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-136127-3

Два якоря есть у каждого человека. Два основных и главных: первый – это дом, второй – наши родные и любимые. Но что делать, если оказывается, что отныне дом есть и в далёком прошлом, и он зовёт к себе, манит и не отпускает? И любимая собака как-то очень подозрительно вовремя открывает звёздные дороги. Остаётся только лишь решительно шагнуть вперёд... Но там прошло десять лет, Русь идет по другому пути, а ты вдруг оказываешься в роли наживки в играх за власть... И твои верные друзья и надёжные соратники могут протянуть руку помощи, а могут нанести смертельный удар.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136127-3

© Малыгин В. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Малыгин

Другая Русь. Если боги за нас!

© Владимир Малыгин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Спасибо всем, открывшим эти страницы и хоть немного зависшим над произведением.
Прошу при этом не забывать, что вы читаете ФАНТАСТИКУ, добросовестно придуманную
автором, а не исторический труд...*

Глава 1

Дома! До последнего мгновения не верилось! Даже когда уже показалась из-за поворота крыша такого родного для меня дома, даже когда знакомая до каждой царапины на крашеном железе калитка гостеприимно распахнула от моего лёгкого нажатия свою нагретую за день на солнце коричневую створку, словно приглашая проходить, всё равно не верилось. И только когда любимая жена помахала приветственно ладошкой, только тогда и отпустила меня тугая пружина сомнений, разжалась, распрямилась, отбрасывая прочь все страхи и тревоги произошедших со мной в последнее время событий. На подрагивающих от предательской слабости ногах подошёл ближе, остановился в нескольких шагах, неверяще всмотрелся в такие родные черты.

– Соскучился? Как будто давно не видел? Нагулялись? Иди уже, пиво твоё в холодильник убрала, отдыхай.

А сама смеётся весело. Хорошо! На сердце отлегло. Да уж, нагулялись так нагулялись. От души. Может, мне всё произошедшее привиделось, показалось? Всё-таки башкой здорово навернулся, шея до сих пор немного ноет и на затылке шишка... Была... А теперь нет её. Потёр ладонью затылок. Не знаю...

Перешагнул низкий декоративный заборчик, отгораживающий грядки от остального сада. Да ладно, что я тут придумываю? Заборчик сделали специально от собаки, а то ишь повадился с самого начала нашей загородной жизни по грядкам бегать, и не отучить его никак. Пару раз попробовал последовать книжным советам, поводить между приподнятыми грядками, в крайнем случае наказать строго за провинность, да хитрая псина не понимала такого ограничения своей свободы. Или делала вид, что не понимает, иначе как объяснить то, что в моём присутствии чинно ходила строго по дорожкам. Но стоило только отвернуться... А наказывать... больше одного раза не смог, жалко псину, не поднимается рука. Лучше уж декоративный заборчик поставить. Пришлось постараться, чтобы эстетично было, иначе строгая проверяющая комиссия в лице супруги работу не приняла бы.

Да, перешагнул и медленными шагами, осторожно, приблизился к улыбающейся жене, провёл ладонями по щекам, по рукам, приник, обнимая за плечи, вдыхая такой родной запах. На глаза навернулись слёзы. Сгрёб крепче пискливую супругу, уткнулся лицом в волосы, проморгался, скрывая предательскую влагу, через сжавшееся в спазме горло кое-как выдохнул:

– Как же я тебя люблю...

– И я тебя! – что-то почуяла супруга, выпустила из руки цапку, приникла в ответ плотно, обняла, отводя запачканные землёй кисти рук в стороны. – Ничего не случилось?

– Всё хорошо. Теперь всё хорошо! – постоял так ещё немножко, отстранился, взглядываясь в глаза.

– Да что с тобой такое? Ступай домой, доставай своё пиво, да мне винца налей немного. Руки отмою и подойду, посижу за компанию.

Через силу оторвался от любимой, заставил себя сделать первые шаги к дому. В спину догнал недоумённый вопрос:

– Что с Громом? Никогда он таким спокойным не был. И за тобой следом как привязанный идёт. Нет, что-то вы от меня оба скрываете!

– Пошли в дом, а? Бросай ты свою траву.

– Иду я, иду...

Потянул на себя нагретую за день ручку, тяжёлая дверь распахнулась, дохнула прохладой и сумраком тамбура. Вспомнил, обернулся к собаке, посмотрел в умные глаза:

– Всё, дружок, мы дома. Иди на своё место.

Тихо щёлкнула замком за спиной железная дверь, отсекая хлынувший в дом горячий воздух улицы. Скинул галоши, остановился напротив большого зеркала, занимающего полстены, всмотрелся. Каким уходил, таким и вернулся. Ничего не изменилось. Те же галоши, треники и футболка. Как такое может быть? Они же давно в утиль превратились, нет их уже? Причёска... а я и не помню уже, какая у меня она была. Руки? У меня же на руках от меча, вёсел, работы такие твёрдые мозоли были? Кожа вся загорбела, стала как подошва. Помолчал, внимательно рассматривая ладони. Обычные мозоли, обычные руки. Привиделось? Не знаю.

Сунул ноги в тапочки, дотопал до холодильника, распахнул дверцу, протянул руку, точно зная, где стоит бутылка из-под шампанского, в которую я переливал домашнее яблочное вино. Свободной рукой холодную полторашку с пивом потянул, толкнул локтем дверку. Привычно, словно и не было в действительности этого перерыва, накрыл журнальный столик у дивана, потянул из шкафа свою любимую пивную кружку. Тяжёлую, гранёную, такую, которые раньше только в пивных барах и были. Мне её ещё в давно ушедшие советские годы друг на Камчатке, Саня Виноградов, подарил. На память. Тогда это редкостью было. Берегу, только по особым случаям достаю, таким, как сейчас. И помню.

– Накрыл стол? Рассказывай, что случилось? – рядышком на диван примостилась супруга, зацепила тёплым бедром, вызвав волну жара. Даже щёки запылали, хорошо, жена боком ко мне сидит, не видит – тарелки поправляет. Протянула руку, щёлкнула кнопкой пульта, убрала звук в телевизоре.

– Погоди, – налил тоненькой струйкой в высокий хрустальный бокал прозрачного пузырящегося вина, себе в кружку набулькал пивка. Надо же с мыслями собраться, ну никак не получается сосредоточиться. В голове сумбур, и верится во всё произошедшее со мной... и не верится. Вот и тяну время, не знаю, что говорить-отвечать. Поднял кружку, прикоснулся осторожно к хрустальному бокалу жены, с каким-то наслаждением прислушиваясь к поплывшему серебряному звону. От бокала, естественно, поплывшему, кружка-то стеклянная. Сдул чуть-чуть пену в сторону, выдув небольшую ямку, осторожно отпил, сделав первый большой и длинный глоток. Хорошо! Посидел, вслушиваясь в давно забытые ощущения, с наслаждением чувствуя, как на губах высыхает горькая пена. Первый глоток, он самый вкусный, дальше пиво можно уже и не пить, не так интересно, не те будут ощущения. Отставил в сторону бокал, повернулся к сидящей рядышком супруге, приняв решение:

– Затылком крепко ударился. Гром чего-то испугался, сильно дёрнул, за собой вниз по склону потащил, нога подвернулась на спуске, вот я об дерево и приложился. Отключился даже. До сих пор в себя прийти не могу. Такое ощущение, что в прошлом побывал. Видения были, словно несколько лет там прожил...

– Покажи-ка голову! Шишек нет, царапин не вижу... Ты меня не разыгрываешь? – покрывала меня осторожно, развернула к себе, ощупала голову пальцами и внимательно так после этого в глаза смотрит, словно рентгеном просвечивает.

Потрогал затылок, ничего не болит, да не особо-то и болело, просто я об этом даже не думал. Но ведь я прекрасно помню, как ударился о дерево, как потом раскалывалась голова, болела шея, какая шишка была... Показалось? Перегрелся? Не знаю. Так и ответил. В результате остался без пива. Как сказала супруга, отбирая мою кружку и выплёскивая содержимое в мойку: «Отлежаться надо».

Насильно и без выслушивания вялых возражений был отправлен в кабинет, уложен на диван, накрыт пледом. На робкие поползновения приобнять жену был получен твёрдый, однозначный запрет. Ибо нечего головой биться неизвестно обо что. Она у меня и так многострадальная. Голова то есть.

Ладно, потерпим. Чуть прищурился, сразу же потолок поплыл, закручиваясь в хоровод вокруг люстры. Встряхнулся, приходя в себя, всмотрелся неверяще в ровные корешки книг

в книжных шкафах. Всё-таки было или не было? Позже разберусь. Закрыв глаза, улыбнулся умиротворённо, слушая, как на кухне чем-то гремит жена. И провалился в сон.

– Соня, вставай! – распахнувшиеся во всю ширину окна шторы впустили в комнату яркое солнце, заставив зажмуриться и недовольно заворчать. – Обед проспий!

Потянулся довольно, так и не открыв глаз, вытянул руки на голос, пошевелил требовательно пальцами.

– Что? – подошла ближе супруга.

– Что-что, сейчас узнаешь что! – сцапав взвизгнувшую, смеющуюся жену, потащил к себе, ногами отбрасывая плед в сторону.

Успокоился нескоро. Потом долго валялись, разговаривая ни о чём, просто так, потому что было хорошо. Только голод не тётка, выпихнул меня с дивана, пришлось вставать. Ну и пить очень хотелось, в горле пересохло.

Уже за ужином договорились завтра ехать в город. Жене нужно на работу, потом проехаться по магазинам, прикупить продуктов, да и других текущих дел хватает. Настроение отличное, жажда деятельности распирает. Поблагодарил за вкусный ужин, встал, ох ты ж... я же вчера Грома не покормил! Засуетился, подхватил собачью миску. Стыдно, расслабился, о друге забыл.

– Да кормила я твою собаку. Неужели голодным бы его оставила? – успокоила жена.

Кивнул благодарно, чмокнул в щёку. Постоял рядом задумчиво, больно вид открывался сверху замечательный. Может...

– Ты куда это уставился? Хватит, хорошего помаленьку. Точно головой ударился! Иди, иди отсюда! – отталкивает меня в сторону, а сама смеётся, довольная.

Взял пару сухек со стола, пойду, угощу зверюгу, заодно и извинюсь за вчерашнее.

Всё-таки я побывал в прошлом. Почему? Да потому что машину удалось выгнать со двора только со второй попытки. В первый раз заглох при трогании с места. Выехал, дёргаясь, как только что севший за руль новичок. Жена молчала, только удивлённо поглядывала.

До города хоть и недалеко, но пока доехали, приноровился к рычагам и педалям. Да и многолетние навыки никуда не делись.

Сколько машин вокруг! И как носятся! Жена ушла на работу за бумагами, а я откинулся на спинку сиденья, открыв нараспашку обе передние двери. Надо остыть, взмок от напряжения. Солнце припекает, а мне в самый раз, остываю. Ну не мог я растерять все навыки, не мог. А движение? Умом понимал, что не такое уж оно и интенсивное, не Москва же и не Питер, но всё равно казалось, что машин очень много. Подрезают, сигналият, пытаются отжать к тротуару. И воздух. Дышать же нечем! Гарь, запах соляры и бензина, копоть выхлопа, от которой режет и першит в горле, язык становится скользким, словно намыленный, а глаза слезятся, словно в них песка насыпали. Мусора везде столько, что ступить некуда, и плевики на тротуаре. У нас бы за такое сразу на принудительные работы направили. На благо города. А тут? Пришедшая в голову мысль отрезвила. Где у нас? Накатили воспоминания, очнулся, только когда супруга в соседнее кресло уселась, хлопнув дверкой.

– Теперь в магазин за продуктами заедем и домой. На сегодня всё.

Команда дадена, надо выполнять. Тронулся, уже лучше пошло, остановился около сетевика. Руки сами привезли куда нужно, на автомате, голова всё воспоминаниями занята.

– Ты со мной? Или посидишь?

– Я лучше посижу.

Посмотрела внимательно на меня, на солнце, на редкий тенёк от деревьев, куда я умудрился кое-как втиснуть машину:

– Я быстро, потерпи, скоро дома будем.

Кивнул согласно, надо успокоиться, в себя прийти, нечего нервы жене трепать. Постарался выкинуть из головы все мысли, вылез из машины, хлопнул дверью, тиснул кнопку

брелока сигнализации. Нечего тут ерундой заниматься, надо любимой помочь. Хотя бы пакеты тяжёлые из магазина поднести. Заодно и остыну внутри возле холодильника.

Вечером после работы сын приехал. Всё-таки жена обеспокоилась моим непонятным состоянием, вызвала по телефону подмогу. Но это и хорошо, поговорим в узком семейном кругу, терпеть и держать в себе воспоминания и сомнения никаких сил нет.

Сели за стол, чаёк разлили, похрустели сушками. Молчат, поглядывают вопросительно. Ну что же, пора рассказывать.

Затянулось моё повествование. Пока всё рассказал, уже поздний вечер наступил, чайник несколько раз доливали и кипятили. Помолчали, переваривая услышанное.

– Что скажете?

– Можно просто проверить, привиделось тебе всё или правда что-то было, – с этими словами сын вылез из-за стола, отодвинул стул в сторону, потянулся за пультом от телевизора. – Сможешь перевести?

Защёлкал спутниковыми каналами, остановился на иностранных, обернулся вопросительно. А что тут спрашивать, всё и так понятно. Начал переводить. Жаль, что мало таких каналов, но проведённый эксперимент, особенно его положительный результат, заставил всех сильно призадуматься.

– Можно ещё на место твоей крепости проехать. Только давайте завтра вечером, после работы? Мне же тоже интересно.

Кивнул, соглашаясь. В голове опять сумбур, получается, всё правда? Значит, боги, волхвы, всё это было и... есть? Бр-р.

Постояли в воротах, обнявшись, провожая взглядами удаляющиеся красные огни машины сына.

– Пошли в дом? – тихонько отстранилась супруга.

– Давай на лавочке посидим? Вечер больно хорош. Смотри, звёзды какие яркие.

– Да-а. А девок там у тебя много было? – спросила вроде бы и в шутку, а сама напряглась и замерла в ожидании ответа.

– Глупенькая. Я же тебя люблю! – притянул за плечи к себе, преодолевая лёгкое сопротивление и чувствуя, как из тела жены уходит напряжение. – Не было у меня никого.

– Врёшь, конечно, но всё равно приятно.

– Не вру. Ты же знаешь, я тебе никогда не вру. Почти...

– Ага! Так я и знала! Значит, было что-то!

– Да ничего не было! – начал заводиться и сразу же сдулся, увидев смеющиеся глаза жены. – Ах так! Сейчас я тебе покажу, как надо мной издеваться!

Утром тихонько вылез из-под лёгкого одеяла, стараясь не разбудить супругу. Как же, сразу спохватилась, поймала за руку, смотрит вопросительно.

– Ты спи, я вставать буду.

– Рано же ещё?

– Ничего, выспался. Спи.

Спустился вниз. Зашебуршался на кухне, поставил чайник, нарезал колбасы и сыра, наделал бутербродов на завтрак. Тихо в доме. Кот об ноги трётся, корм клянит, мурлычет. Собака молчит, не слышно ни звука. Загляну в ноутбук, посмотрю, что да как.

Дождался, пока система загрузится, задал вопрос в поисковике, открыл первый сайт, второй... Выпал из виртуалки, когда жена положила руку на плечо. Улыбнулся смущённо, захлопнул крышку, поднялся, с трудом выпрямляя затёкшую спину.

– Завтракала?

– Давно уже. Спасибо за бутерброды. Нашёл что-нибудь?

– Ничего. Пусто. Никаких подтверждений.

– Давай вечера дождёмся и на твоё место съездим? Не расстраивайся пока раньше времени.

Кивнул, соглашаясь. А что ещё остаётся?

До вечера еле дотерпел. Вроде бы и работы хватало – то одно, то другое, опять же супруге помочь необходимо, а всё равно день тянулся словно резиновый. Звонок сына выкинул из кресла. Пора ехать, договорились встретиться с ним в городе.

Что сказать? Нечего. Стоял на невысоком обрыве, вглядываясь в пустую огромную поляну внизу, где вроде бы когда-то должен был стоять мой городок с крепостью и домами, мастерскими, причалами, водяными колёсами. Ничего не было. Нет, внизу всё было окультурено, разбит прекрасный парк, на детской площадке весело и звонко перекликивалась детвора. По проложенным дорожкам молодые мамы шагали с колясками, сновала туда-сюда на скейтах и велосипедах молодёжь. И никаких следов моей крепости! Не было? Не может этого быть, я же всё прекрасно помню!

– Ты не расстраивайся так. Давай в Кремль сходим, по центру прогуляемся, может, что и увидишь?

– Хорошо...

А что мне ещё оставалось сказать? Ничего. Погуляли по городу, в который раз прошлись по Кремлю. Тихонько рассказывал, что и как мы тут строили. Подошли к археологическим раскопам.

Глубина выкопанной ямы поражала. Семь метров наносного грунта! Это же сколько веков пролетело над древним городом, над его каменными серыми стенами? А если принять во внимание, что это далеко не столица, а провинция, и населения в городе немного? Представляете, сколько за столетия пыли нанесло? Сколько грязи с подошв натоптали? М-да...

Зашли в собор, послушали службу, осмотрели иконы, росписи, нигде никаких следов и упоминаний. Ничего не понимаю...

Дома открыл ноутбук, поднял руку над клавиатурой и... завис. А что набивать, о чём спрашивать, вот в чём вопрос. Попробовать про Трувора что-нибудь поискать? Или, может, набрать в поисковике Новгород? Сам себя тут же и укорил, это просто мне страшно узнать, что всё произошедшее со мной мне же и привиделось, поэтому и торможу, пытаюсь неосознанно оттянуть этот момент истины. Начнём, пожалуй. Однако мои поиски ни к чему не привели. Было только то, что я и так давно знал, нового ничего не появилось. Как же так? А пресловутый эффект бабочки? Должно же было измениться моё настоящее, если я потоптался в прошлом, и хорошо же так потоптался? В конечном итоге мои поиски закончились ничем. Ну как ничем? Кое-что есть. Откинулся на спинку кресла, разминая заболевшие плечи и руки от долгого сидения в скрюченной позе над компьютером. Какие можно сделать выводы? Языки я знаю? Знаю. Здоровье моё значительно поправилось. Это поначалу никто на мой внешний вид особого внимания не обратил, и только потом, когда рассказал свою историю, начали присматриваться и заметили, что седина с висков ушла, жирок с живота пропал, мышцы вернулись, как в молодости. И на давление не жалуюсь. А зрение и слух? Да я даже сейчас сижу за компьютером без очков, не то что раньше. Был же в Кроме, надо было забраться куда-нибудь повыше и проверить свои способности. Пожалуй, это и будет самым верным доказательством. А то, что в минувшей истории и реальном настоящем никаких следов не осталось, что же, значит, это всё-таки была какая-то параллельная Русь. Другая...

Постепенно закрубились перед глазами воспоминания, потянулись одно за другим, всплыл самый первый момент, тот самый, когда гадская змеюка нас с Громом напугала и отправила в прошлое. Стоп! Я же эту самую змею видел в лесу, когда очнулся. Значит, точно было! Ещё мне так ехидно ухмылялась, зараза. В волнении подскочил на ноги, оттолкнув кресло к стене, заметался по кабинету.

– Ты чем там грохочешь, нашёл что-то? – заглянула жена, вытирая руки полотенцем.

– Да кресло к стене отодвинул. Ерунда. Слушай, а ведь та змея, что нас туда отправила, и на обратном пути тоже была! Я её видел.

– Ты успокойся, что бегаешь туда-сюда? Вот лично у меня никаких сомнений в том, что ты где-то побывал, нет. Ты на себя посмотри, помолодел, постройнел, годков двадцать сбросил. Пузико и то пропало, приятно посмотреть. Про остальное я и говорить не буду, сам всё понимаешь. Только вот сам же и поверить в это не хочешь. Почему?

– Почему? А действительно, почему? – задумался, провожая взглядом скрывшуюся на кухне супругу. Потому что страшно. Вот в чём дело. Это же ответственность какая. Когда был там, в прошлом, то просто старался выжить, как-то улучшить своё положение в обществе, чего-то добиться, что-то доказать себе и окружающим. Опять же волхвы и боги хорошо так в попу пинали, не давали на месте стоять. Да и стоять-то не хотелось, интересно очень самому было. А почему, кстати, здесь не так? Почему сижу на попе ровно, смирился со всем происходящим? Потому что эту махину вокруг не свернуть, а там ещё можно было? Может, и так. Скорее всего, там всё крутилось вокруг меня, моей мастерской, кузни, столярки. Потом к этому добавились крепкие стены, появились люди, стали строиться дома и расширяться производства. Всё создавалось с нуля, поэтому было легче. И не надо забывать о безусловной поддержке волхвов и князя. Думаю, если бы не волхвы, меня бы быстренько на запчасти разобрали местные аборигены. Никакое знание языка не помогло бы. Это сейчас я знаю, насколько замкнуто и самодостаточно, независимо друг от друга жили люди в те далёкие времена.

Каждое поселение, каждая застава должна была обеспечить своё существование полностью. И это не только охота и рыбалка. Сюда входит абсолютно всё. Ведь в ближайшей округе не было ни супермаркета, ни магазинов хозяйственных товаров. До ближайшего большого рынка надо было добираться неделями. И месяцами ждать проезжающих мимо купцов с товарами. Поэтому и приходилось людям иметь в каждом поселении своих кузнецов и гончаров, плотников и кожевников, своих охотников и рыбаков. Иначе было не выжить. Опять же нужно было уметь защищаться от воинственных и коварных соседей. Вспомнились крепкие, добротные дома в поселениях. Не все, конечно, такие уж добротные – встречались всякие, но в основном люди строились на века. И лес высушивали, сырой в дело не пускали. Иначе бы такую строительную ватажку халтурщиков пинками за стены выгнали. А то все уши нам тут прожужжали про землянки и полуземлянки наших предков. Сами бы пожили в таких землянках, надолго бы вас хватило? Сразу бы избушку себе срубили. Удивляло несоответствие тех сказок, что нам внушали о нищих, лапотных, забитых предках. Как нас уверяют, что не было на Руси ни грамоты, ни развитого производства, ни земледелия! Если бы всё это своими глазами не видел, так до сих пор и верил бы в эти сказки. Особенно смешно было читать о том, что не было железа на Руси. Только благословенная Европа милостиво снабжала нищую Русь металлом по сказочным ценам. Ага, как же! Всего было в достатке. Одно только месторождение под Старой Руссой напрочь отметало эти утверждения. И это только в этом районе. А болотного железа сколько вокруг? И как бы отбивались деревянными дубинами от наседающего врага наши предки? Чушь.

Вспомнил и в первый раз увиденную дружину Трувора. У каждого дружинника кольчуга, меч, нож. Это обязательно. Хватало и другого железа. Кстати, нигде не видел никакой другой брони, никаких бригантин, бехтерцов и им подобных. Наверное, потому, что вес получился бы изрядный? Ведь переходы были огромными, сколько приходилось на себе нести всякого необходимого воину в походе добра. Поэтому и достаточно было одной кольчуги. А если сюда ещё прибавить захваченную добычу? Попробуй всё на себе унести тогда. И ещё такой момент. Это наши арбалеты такую пробивную силу имели, а вот у лучников всё по-другому. В основном-то ими использовались охотничьи луки, настоящих боевых было мало, мы их только в степи и увидели. Даже знаменитые, прославленные в будущем стрелки-йомены на оловянных островах пользовались точно такими же однодеревками. Это и понятно, в лесу далеко не постреляешь.

Кстати, малое количество дружинников у князей тоже не соответствовало действительности. Попробуй малым составом удержать стены какого-нибудь городища, не получится. Одну сторону ещё удержишь, а если со всех полезут? Достаточно вспомнить оборону того поселения, куда я попал в самом начале. Десятком бегали тогда со стены на стену, повезло ещё, что нападавших было мало и что стрелков я у них повыбил. А не оказался бы я тогда в тылу у неприятеля, взяли бы разбойники заставу. А как мы в первый раз отбивались от варягов в моей крепости? Как я боялся атаки с тыла! Ведь так не хватало людей, тоже только на одну стену и наскребли защитников. Если бы не арбалеты, смели бы нас тогда.

Точно так же невозможно было и атаковать малыми силами. Единственный вариант – внезапно напасть, тогда ещё появлялся какой-то шанс, пока местные жители не успеют вооружиться и собраться. Вот и ещё одна сказка разбивалась вдребезги. Не было тогда малых дружин. Это только названия были такие, малые и большие, на самом деле это у них задачи были разные. Даже варяги в своих походах рассчитывали только на внезапность, на быстрый бросок, грабёж и отход. Стоило только где-нибудь завязнуть в осаде, и всё, местные владельцы успевали собрать ополчение...

Что-то я развспоминался, зарассуждал, переживая заново все свои приключения, походы и сражения. Всплыло воспоминание о разговорах с богами, даже голова резко заболела, когда отчётливо вспомнилось каждое произнесённое ими слово. Мне же ясно было сказано, что можно ходить между слоями, только нужно научиться. И поддержали меня в моём учении, подтвердили, что иду я в правильном направлении. Даже верховный волхв, который пытался меня наставить на путь истинный, хоть и заверял, что такие знания утеряны, как-то обмолвился, что всё у меня получится. Яромир всю дорогу с меня не слезал, заставлял медитировать, познавать себя. Продолжить, что ли? Только надо ли мне это? Неужели так хочется назад вернуться? То домой рвался, а не успел калитку открыть, как уже в прошлое засобирался. Неувязочка получается. Позаниматься мне, конечно же, нужно, не забрасывать же упражнения, вреда любому не будет, а вот польза от них несомненная. Что ещё? Захочется мне вернуться или нет, это бабушка надвое сказала, но на всякий случай нужно бы к этому делу подготовиться основательно. Знаний нужных поднабраться, которых мне так не хватало в моей деятельности. С супругой обязательно поговорить, может, вместе отправимся? А что? Боги же явно намекали на такую возможность. Как-нибудь выберу подходящий момент и поговорю. А пока нужно продолжить свои упражнения, благо и забыть-то ничего не успел, как будто всё вчера было. Да вчера и было, на самом-то деле. Интернет прошерстить, с умными людьми проконсультироваться, поговорить, поразмышлять, простых технологий поднабрать. Откинулся на спинку кресла, задумался. Пришедшая в голову мысль привела в смятение, а нужно ли мне что-то искать? Нет, как-то подтолкнуть общество в своём развитии нужно, но только как-то. Теперь вот смотрю и понимаю, что и того, что уже придумал, более чем достаточно. Всё равно каждое общество должно пройти именно свой путь развития, а не перепрыгивать через ступени на длинной лестнице познания и становления. Верно, не надо никого никуда подталкивать! Для себя, конечно, почитаю, поищу всякое нужное, вдруг да и пригодится? Может, кто что полезное подскажет, посмотрим, не нужно торопиться.

Задумался, за рассуждениями не услышал, как супруга к столу приглашает. Странно, это с моими-то способностями? Тут же испугался, что они могут пропасть, потеряться, что опять болячки вернутся. Тьфу-тьфу, три раза и через левое плечо. Направление, в котором я буду двигаться, определено, что мне сделать необходимо, тоже понятно, остаётся только никуда с выбранного пути не сворачивать.

Посидел тихонько, наблюдая, как супруга убирает со стола, как мельтешит туда-сюда по кухне, вздохнул и спросил, как в омут бросился вниз головой с крутого обрыва:

– А ты хотела бы в прошлом вместе со мной оказаться?

Звякнула звонко в мойке тарелка, чудом не разбившись. Замерла спина жены, только вода шумит из-под крана. Медленно развернулась ко мне, одновременно закрывая кран, вытерла полотенчиком мокрые руки, помолчала короткое мгновение.

– Знаешь, я об этом всё время думаю. Как только твой рассказ услышала. Смогла бы я так, как ты там, выжить? Что бы я там делала? К чему бы стремилась? Что улыбаешься? Не смейся, зачем тогда спрашиваешь?

– Да не смеюсь я, не смеюсь.

– Ну да. Решила, нечего мне в прошлом делать. Ничего из того, что я умею, там не пригодится. Ну, читать-писать научу, так этому там и без меня есть кому учить. Бухгалтерии? А надо ли? Думаю, нет. Нахвататься быстренько в интернете нужных знаний и учить предков? Так эти знания без практического опыта мало что стоят. На кухне меня там любая местная женщина переплюнет. Как и в хозяйстве. Я же не знаю, как корову доить и как за ней смотреть, чем кормить и как поить. И так почти во всём. Как и что в огороде сажать, а ведь там ни удобрений, ни знакомых нам семян нет, там всё другое будет. Серпом жать я не умею, как и косой махать. Ты им, кстати, косу придумал? Так вот, в поле от меня тоже мало толку. Что осталось? Медицина? Тоже специалистом нужно быть, купленные таблетки быстро закончатся, а если случится эпидемия какая-нибудь? Думаешь, зря медиков столько лет учат? Думаю, любая знахарка... Или как ты их называл? Травница? Любая травница сто очков вперёд нам даст. Прялки, сеялки, веялки и жатки? Даже говорить не буду. Пусть сами придумывают, а иначе толку не будет, на всём готовом-то. Только деградируют.

– погоди. А как же я? Я же туда столько нового привнёс?

– Вот поэтому ты и не можешь никаких следов своего присутствия найти. Слишком большие, необратимые изменения произошли. Мне кажется, что разделились наши истории при твоём вмешательстве. Наша осталась прежней, а та, твоя, свернула на свою дорогу, параллельную.

– Сама себе противоречишь. Ты же говоришь, деградируют, а тут вдруг изменения, да ещё и необратимые.

– Говорю, противоречу, потому что не знаю, как правильно сказать... Думаю так, и всё. Сам посуди, почему вокруг изменений никаких не видно? А куда ты денешь все те века, что Русь строили? Куда деть наши свершения и поражения, достижения и провалы, подвиги и предательства? Что, вот так вот раз, и вся история изменится? Сам-то в это веришь? Куда вся археология вместе со всеми памятниками древности, музеями, выставками и коллекциями денется? Изменится? Вряд ли. Это же не кино, не фантастика твоя любимая.

– Просто столько всего читал про пресловутый эффект бабочки, вот и думал, что тут тоже всё поменяется. Хотя права ты, головой-то я всё понимаю, а вот чувствами... Хочется, чтобы мы хорошо жили.

– Да мы и так хорошо живём, грех жаловаться. Живы, здоровы, голову есть куда приклонить, не голодаем, что ещё нужно?

– Сама понимаешь, что я сказать хочу.

– Понимаю. Но и лишнего говорить ни к чему. Нечего попусту Бога гневить. Впрочем, что-то мы в сторону от разговора ушли. Так вот, нечего мне там делать, если только в тереме сидеть и мужа из многомесячного похода ждать-поджидать, да гадать, жив он или нет. Мобильников-то там нет! С собой же ты меня в поход вряд ли возьмёшь? То-то... Единственное, что привлекает в таком путешествии, это возможность здоровье поправить и годы сбросить. И то, ты говорил, что это тебе боги такой подарок сделали. А вот куда бы мне точно хотелось попасть, так это в будущее, вот где интересно.

– Голова! Дом Советов! Тебе бы в депутаты, мы бы уже давно как люди жили. Впрочем, всё правильно, я думаю точно так же. Сам вначале кинулся знания собирать, а потом задумался,

надо ли? Получается, что нет, не надо. Каждое общество само должно свой путь пройти. А то, что помог немного, так то боги виноваты, они меня заставили. Не было у меня другого пути.

И мордочку сделал жалостливую, такую, как у того кота из Шрека. И сам же рассмеялся, не вытерпев ни секунды.

– Клоун! – припечатала жена. – На богов надейся, а...

– А верблюда привязывай, – подхватил я, перебив супругу.

И оба весело рассмеялись.

Но в компьютер я постоянно заглядывал, выискивал интересные и нужные материалы, так, на всякий случай, постоянно убеждая сам себя, что мне просто любопытно. Любимая косилась иногда, но ничего не говорила, помалкивала многозначительно.

Не забывал и упражнения, показанные мне когда-то Яромиром. Два раза в день, утром и вечером, старательно познавал себя, медитировал, пытался отделять сознание и приподняться над своим грешным физическим телом. А время несло, постепенно отодвигались в прошлое мои путешествия; новые события и впечатления вышли на первое место. Притупились воспоминания, воспринимались уже не так остро и болезненно, позволяя анализировать свои поступки, искать более оптимальные решения. Особых ошибок не видел, да и есть ли смысл искать ошибки в том, что уже давно свершилось? Как вышло, так вышло.

Гуляли с собакой, каждый раз обходя седьмой кружной дорогой место нашего прошлого провала. Как-то пока никакого особого желания повторить путешествие не было. Но любопытство снедало, а как там без меня люди живут, что сделали, чего добились? Если бы можно было заглянуть туда одним глазком и сразу же назад... А оставаться в прошлом... нет, не хочу. Дома лучше.

И всё бы ничего, но начали сниться сны. Почти каждую ночь я заново проживал своё путешествие в прошлое, встречался со знакомыми людьми, с друзьями и товарищами, подолгу с каждым о чём-то разговаривал, тетешкал на руках маленького сына Трувора, гулял с ним по широким стенам древнего Крома. С упоением дышал знойным терпким степным воздухом, видел широкие просторы Итиля, слышал гулкие хлопки спущенной тетивы и зловещий шелест летящих болтов, отмахивался тяжёлым мечом от наступающих хазар на днепровских порогах и... Просыпался от резкой боли в отбитых об стену руках. Сны словно отбрасывали меня назад, так явно и чётко виделось всё произошедшее со мной. Ворчала разбуженная шумом жена, вглядывалась в моё вспотевшее лицо, горестно вздыхала и успокаивала меня, обволакивая своим теплом и спокойствием.

Всё чаще снился Будимир. Верховный волхв о чём-то порывался спросить, куда-то позвать, но сон обрывался, истончался и уходил в сторону. И ладно бы поутру всё забывалось, так ведь нет, отлично обо всём помнилось. Ох, не к добру это. И жена переживала, теперь даже на прогулки мы уходили только вдвоём. К знакомому оврагу не подходили, побаивались. Собака чувствовала мои переживания, держалась рядышком, никуда не рвалась, смотрела умными глазами, сочувствовала.

Казалось бы, о чём переживать? Как же, такие приключения. Любому за счастье. Ну да, ну да. Только вот голову там можно сложить запросто. И сильно опасаясь, что назад мне её никто не приставит. Опять же, в прошлый раз меня боги переносили и возвращали точно в то же место и время, а если сам рискну перемещаться? Что получится со временем? Вот! Потому и страшно. Нет, если всё-таки удастся уговорить супругу на эту авантюру, то можно и рискнуть, попробовать. Вместе будет легче.

Почему такие мысли начали приходить в голову? Потому что всё чаще стали вспоминаться мои походы, как наяву чувствовал под ногами упругую палубу шхуны, свежий морской ветер трепал волосы, кричали над головой надоедливые чайки, проскальзывая между белосерыми подушками парусов. Снова видел за кормой преследующие нас драккары, слышал грохот пушек и ощущал всем телом содрогание корпуса при залпах, кислый привкус сгоревшего

пороха вызывал обильную слюну во рту. Возвращение в город и мои друзья, с чистой радостью встречающие меня. А моя банька? Прошное притягивало к себе, и не оторваться никак от него. К тому же я постоянно помнил тот разговор, что можно самому ходить между мирами. А проводником при этом служит собака, причём почему-то именно чёрная. Как раз такая, как моя. Поэтому, кстати, и возник тогда этот разговор. Оставалось лишь научиться ходить. В своё время никто из волхвов мне не смог помочь. Перун, зараза, только смеялся на наши жалкие потуги, но как-то раз проговорился, что научиться можно, только знать нужно, куда стремиться. Раньше волхвы запросто ходили между слоями, а потом утратили свои способности, забыли. Сначала ещё оставались знания об этом, а потом и знания пропали. Будимир тогда ещё сокрушался, как и почему пропали. Значит, так надо было. Если все будут свободно туда-сюда ходить, то о самостоятельном развитии общества можно забыть. Так мы тогда думали, так я думаю и сейчас, и супруга меня в моих догадках полностью поддерживает. Потому-то я и не хочу что-то изучать, копировать, записывать. Чтобы не было соблазна. Была мысль заняться медициной, но тоже отбросил эту идею. Правда, не удержался, почитал кое-что про антибиотики, про прививки, так, на всякий случай. Больше ничего. Сами пусть топают и работают сами, своими ручками и ножками через века и тысячелетия, постепенно набирая знания и опыт. Скачки в развитии ни к чему хорошему не приведут, если сознание людей останется на прежнем уровне. И тут присутствовал ещё один момент, который мне до сих пор не давал покоя. Помнил я способности и возможности волхвов, показанные в сражениях и походах. Почему это всё утрачено? Ведь такие возможности открываются, если двигаться в этом направлении! Это же почти магия. Нельзя такое потерять!

Вот такие мысли крутились в голове. Вроде бы и решил никуда не возвращаться, а где-то далеко внутри всё-таки таилось желание вернуться. Хотя кого я пытаюсь обмануть? Себя? Да ладно! Если бы жена дала добро и согласилась, я бы и не сомневался ни разу, давно бы уже воспользовался первой же возможностью и отправился в знакомые места к своим средневековым друзьям. Перенёсся бы в прежние времена. Мне там очень нравилось. То есть нравится, до сих пор.

Вот такие мысли крутились в голове, не мешая телу постоянно заниматься своими упражнениями. Что интересно, жена несколько мне в этом не мешала, только почему-то всё время старалась держаться поблизости. Или, по крайней мере, так, чтобы меня было видно. Присматривала.

В каких-то постоянных и незаметных заботах и хлопотах пролетели незаметно осень и зима. Как обычно, перед самым листопадом съездили в Пушкинские Горы, погуляли под сенью осенних дубрав, полюбовались красивейшими пейзажами и яркими красками осени. Больше всего нам нравится гулять в Петровском, там даже атмосфера иная, патриархальная. Портят, конечно, старые виды понастроенные вокруг усадьбы-музея коттеджи, но что сделаешь, жизнь идёт вперёд, люди строятся. От тех древних деревенок уже практически ничего не осталось. Только реконструкции. Хорошо хоть, это делают.

Зимой покатался на лыжах, походил по лесу. Снег, морозы, наверняка та полосатая зараза отсыпается, но знакомый овраг по-прежнему обходил десятой дорогой. Так, на всякий случай, вдруг она морозоустойчивая. Но это я так, фобия у меня такая появилась. Понимаю, что если богам приспичит, то и способов переместиться может найтись очень много, а змеюка только лишь один из них. Но ничего с собой поделать не могу. По мне, лучше осознанно перемещаться, а не так, сосной по голове. Не понравилось, короче. Потому и фобия, голова до сих пор болит иногда, под вечер особенно. Когда пиво в холодильнике...

Глава 2

Зима в этом году пришла снежная, с лёгкими ночными морозцами, снега на опушках намело выше колен. Гром еле пробивался через снежные заносы, каждый раз смешно выпрыгивая вверх. А как ему не выпрыгивать, если из снега только голова и спина виднеется? Зато мне так хорошо было по проторенной колее за ним ходить. Но всё равно домой возвращались оба до ушей мокрые. Ну, с собакой-то понятно, а вот где я умудрялся так изгваздаться, непонятно, вроде бы нигде не падал. Морозы сильно не придавливали, только уже во второй половине февраля немного прижало, но мы этому даже обрадовались. Соскучились по настоящей зиме.

Настоящая весна пришла с грохотом ломающегося льда на Великой. Тёплое яркое солнце растопило плотные снежные завалы, побежали говорливые ручьи в речку, щекоча свежими холодными струйками спящую красавицу. Разбудили. Встряхнулась река, напряглась и разом сбросила с себя ледяные оковы. Вздохнула свободно, разлилась вширь, затопила низменные луга и поймы и успокоилась на несколько дней, нагромоздив в устье огромные ледяные заторы. Впрочем, ненадолго. И скоро большая вода так же быстро ушла вниз, в озеро, оставив после себя по берегам высокие, выше человеческого роста, крепкие стены из заломанных грязно-серых толстых льдин, тихо и печально истекающих слезами на пригревающем солнышке и превративших берег в непрсыхающее слякотное болото.

Пока ещё можно, пока не началось сокодвижение, мы с женой обрезали плодовые деревья и кусты, побелили стволы специальной краской, сожгли ветки и прошлогодний мусор, навели порядок на быстро просыхающих грядках.

Занятия свои я не забрасывал, хотя тревожные сны постепенно забывались, растворялись в повседневной суете, уходили вдаль. Отпускало потихоньку недавнее прошлое. Но упражняться продолжал, втянулся, да и вроде бы наконец-то что-то как-то стало получаться. Даже понравилось. Хорошо так получалось, душа радовалась. Зацвели сливы, вишни, яблони. Белая кипень садов радовала глаз. А запах-то какой, медовый! Перенёс свои занятия в сад, на свежем воздухе да под ласковым солнышком оно как-то полезнее будет. Супруга ненавязчиво крутилась неподалёку, постоянно контролируя меня краем глаза, призывая периодически на помощь. Грядки вскапывать-то нужно – просохли, да и других дел хватает, то одно поправить, то другое. Иной раз даже во время работы отрешался от всего, уходил как бы в транс, а руки продолжали трудиться. А что? Физическая работа, да на свежем воздухе, очень даже способствует мышлению.

Вот и сейчас разжёл угли в мангале, решили мяса пожарить к приезду сына, прикупили загодя свиной грудинки с рёбрышками-хрящиками. Смотрю на огонь, на дым, закручивающийся спиралью на слабом ветерке, жмурюсь, отворачиваюсь и прячу глаза, когда его едкие пряди задувает в лицо, задумался крепко, от всего отрешился. Даже примерещилась в дыму будимировская борода. Треплет её легонько ветерком, седую и длинную. И глаза волхва пронзительные. Такое чувство, что прямо в душу мне заглядывает, что-то сказать хочет. Ну, так говори, что молчишь? Пропало наваждение, улетело испуганной птицей, это жена руку на плечо положила, подошла тихонько.

– Ты чего замер? Смотрю, не шевелишься совсем, угли давно уже прогорели, погасли. Задумался?

– Задумался... А давно я так сижу? – только и смог выдавить из себя, потрясённый до глубины души таким реальным видением.

– Так угли же даже прогорели... – недоумённо повторила супруга. – Случилось что?

– Случилось... Потом давай, а? – и засуетился, стал насыпать в мангал уголь из крафтового мешка, брызнул щедро из пластмассовой бутылочки специальную жидкость для розжига

и заново разжѐг огонь, пытаясь этим немудрёным делом прогнать из рук предательскую слабость растерянности.

А тут и сын приехал, просигналил за воротами, спас от расспросов супруги. В суете вроде бы и забыли про меня. Как же, забыли, просто отстали ненадолго, жена всё время рядом держится, только что на верёвочку не привязывает. Сын что-то заподозрил, поглядывает вопросительно на нас обоих, но молчит. Надолго ли?

Ну, хоть дождались, пока мясо прожарится и за стол усядемся. А потом навалились дружно с двух сторон. Пришлось рассказывать.

– Я бы на твоём месте не отказывался от прошлого. Интересно же, тем более с твоих слов там лучше, чем здесь. Сам же говорил, что люди другие? – задумался над рассказом сын.

– Интересно... Да я и не отказываюсь. Люди там такие же. Почти. Не испорченные пока «благами цивилизации». Страшно вот только. Одному туда не хочется возвращаться.

– Так и не возвращайся один.

– Посмотрим...

А что мне говорить? Нечего. Привиделось или нет? Посмотрим. Что от меня волхву нужно? Что могло там случиться такого, что моё присутствие понадобилось? Может, соскучились просто?

Ночью долго не мог заснуть, страшно было, честно говоря. Как в той поговорке, народной. И хочется, и колется... Вдруг засну, а проснусь уже там. В конце концов провалился под утро в сон, измученный переживаниями организм не выдержал долгой и муторной бессонницы, скомканной простыни и смятой подушки.

Просыпался с опаской, открыл глаза резко, сразу осматриваясь по сторонам. С облегчением выдохнул, увидев знакомую обстановку. Дома!

Где-то с неделю даже мысли позаниматься не возникали, тупо страшно было. А потом постепенно пришёл в себя и продолжил свои занятия. Видения больше не посещали, зова не слышал и к лету совсем успокоился. Хотя иногда нет-нет да проскальзывало лёгкое чувство сожаления или досады об утраченном. Честно говоря, в глубине души всё-таки хотелось вернуться. Ещё там, в далёком прошлом, часто приходили в голову мысли о том, как было бы хорошо нам всем вместе жить в древнем Пскове. Всё-таки там мне больше понравилось...

Пронеслись туманными белёсыми миражами белые ночи, сменились на обычные летние бархатные, наконец-то на небе можно было увидеть звёзды. Вездесущие комары ещё не настолько озверели, и поэтому почти каждую ночь мы с женой сидели на скамеечке под железной ажурной аркой, увитой побегами винограда, и я рассказывал о почти таких же бархатных ночах у испанских берегов, о раскалённых под знойным солнцем белых пляжах, о лазурных морях и накатывающих на песок волнах в белой пене. Не забывал и про обезлюдевшее побережье рассказать, и про страх местного населения перед просмоленными чёрными драккарами. Огромная ярко-жёлтая луна выкатывалась из-за горизонта, пряталась среди вершин разлапистых сосен, выглядывала одним глазком в просветах и подмигивала узкими холодными лучами на маленьких полянках. Поднималась над головой, раскатываясь на огромной сковородке ночного неба в ноздреватый плоский блин, нависала сверху, освещая округу бледным призрачным светом, спесиво кичилась своим превосходством над земной ночной суетой и смотрела сверху равнодушным и безразличным холодным взглядом.

Иногда медленно прогуливались среди деревьев, просто так, путаясь ногами в редкой траве и вдыхая терпкий запах разогретых за день сосен. Громчик сливался с чернотой ночи, и лишь когда поворачивал свою лобастую голову к нам, только тогда и можно было заметить его по отблеску ночного светила в больших глазищах. Кто меня толкнул под руку, когда я, шутя, спросил:

– Громчик, а где Будимир?

Пёс оглянулся, жутко сверкнули в лунном свете круглые глаза, оскалился и шагнул из тени на освещённую луной траву небольшой полянки. Ещё раз оглянулся, как бы сомневаясь в услышанной команде, даже показалось, что недоумённо пожал плечами, и прыгнул в лунный свет. Была собака, и пропала. Нет ее.

Замерли с женой. Боль в руке отрезвила, так сильно вцепилась супруга своими острыми коготочками.

– Неужели? – тихо пробормотал. Но моя любимая половинка услышала.

– Что? Что неужели?

– Говорил же мне Перун, что моя собака может между мирами проводником быть, а я мимо ушей пропустил. И что теперь делать?

– А ты его назад позови, тихонечко...

– Попробую.

Позвал было собаку, да горло перехватило от волнения, петуха дал. Прокашлялся и, уже не стесняясь, плюнув на страх, в полный голос, тут же слыша, как в панике закопошились разбуженные птицы в кустах, а поющие кузнечики, наоборот, притихли, позвал Грома. Замолчал, чувствуя, как тянется и тянется наступившая тишина, как липкой паутиной накатывает запоздалый страх. А что, если не вернётся собака?

Из лунного столба вынырнул мой пёс, как будто из зеркала вытек. Затормозил всеми четырьмя, взрывая мох и песок, повернул голову к нам, припал на передние лапы, глянул как-то искоса и запрыгал весело вокруг, мотыля хвостом. Ухватил его за уши, присел, успокоил словами, а сам обрадовался, ощущая под пальцами живое тепло собачьего тела. Гром дёрнулся вперёд, обрадовавшись неожиданной ласке, лизнул мягким языком в лицо. Жива моя собака, вернулась! Выпрямился. За спиной, почти прижавшись, супруга стоит, двумя руками за мой пояс держится.

– Ты что?

– А вдруг тебя туда утянет? Тогда и я с тобой... – и замолчала, смутившись.

Обнял крепко, подышал в волосы, от волнения перехватило дыхание.

– Значит, вместе?

– Вместе... Только давай не сейчас? Собраться надо, подготовиться, куда я в таком виде?

Вот так так. Это не то что я, мне и в таком виде как бы неплохо. Ладно, позже так позже. Да и переварить надо только что случившееся.

Вечером после работы примчался сын. Супруга вызвонила. Правда, сразу с расспросами не полез, сначала выслушал короткий, но эмоциональный рассказ матери, после которого только и спросил нас, что мы собираемся делать. Пришлось отвечать. И вопросы задавать, как же без них?

С нами пока идти отказался, у него своя жизнь, и ему тоже надо о своей половинке заботиться. Может быть, позже? И намекнул, засранец, что не худо бы было всё наше движимое и недвижимое на него перевести, ну так, на всякий случай, мало ли нам там понравится и мы его тут забросим? Зачем ему тогда лишние хлопоты с наследством? Даже обижаться на него за такие мысли не стал, потому как сам таким был. Некоторые вещи начинаешь понимать только тогда, когда вырастают собственные дети, а голова меняет цвет своих волос с привычного от рождения на непривычно седой. Или вообще остаётся без волос. Вот тогда и приходит мудрость. Может, она и связана как-то с количеством волос на голове? Если в одном месте чего-то убавилось, то в другом обязательно должно прибавиться. Закон такой есть, физический, умными людьми придуманный. Шучу, конечно, что ещё остаётся. У меня с прошлого раза с волосёнками всё в норме.

По здоровом размышлении сделали то, о чём ненавязчиво прямым текстом вроде как намекнул сын, подписали все необходимые бумаги, побегали по инстанциям – действительно, всё же может случиться? Долго общим собранием гадали-рядили, стоит ли тащить с собой в

прошлое какие-то современные технологии и нужные для нашего комфортного нахождения там предметы. Несколько раз повторял свои выводы о необходимой самостоятельности развития каждого общества, но, кажется, никого этим не убедил. Ничего, время есть, подумаем ещё. Хотя, честно говоря, я бы не отказался взять с собой в прошлое некоторые семена, вроде той же картохи и морквы, ну и ещё кое-что. Супруга настаивала на обязательном изучении и включении в список переносимых вещей технологии получения и применения прививок и антибиотиков, сын настаивал на оружии, обрабатывающих и перерабатывающих технологиях. Я же думал о месторождениях полезных ископаемых и способах их добычи.

Голова шла кругом от таких мыслей. Все благие порывы благополучно были вскоре забыты, от ноутбука болели глаза, в голове царил каша из вычитанных сведений и знаний.

В один прекрасный день я просто не выдержал такого издевательства над собственным организмом и просто плюнул на всё. Теперь мои прежние возражения получили новое подтверждение. Одно новшество тянуло за собой другое, и цепочка эта получалась настолько длинной и бесконечной, что просто оторопь брала. Действительно, пусть всё идёт естественным путём, нечего ерундой заниматься и пытаться искусственно прогресс вперёд двинуть. Не будет от таких действий добра. Куда там вымощена дорога благими намерениями? В ад? Забыли мудрость предков, всё самыми умными себе кажемся.

Сели с женой друг против друга и вздохнули одновременно, поняв, наконец, эту простую истину. Вот после этого все наши сборы перешли совсем на другой уровень. Одежда, пара купленных небольших пистолетных арбалетиков на каждого, запас болтов, ножи, кое-какие лекарства, подходящая обувь и семена. Опыт прошлого выживания был, поэтому и собирался, исходя из полученных знаний. Получилось, как ни крути и ни ужимайся, два больших рюкзака. Всё-таки в неизвестность отправляемся. Собака, конечно, зверина умная, но кто его знает, куда нас новая и неизведанная дорожка выведет? Да и мало ли опять кто-нибудь из высших сил вмешается, пихнёт не в ту сторону?

Сборы закончились, дела подбили, пора в путь. Дождались подходящей ночи с такой же огромной выкатившейся луной и ясным звёздным небом. Пора отправляться. Ну или, по крайней мере, пробовать отправляться. Команда собаке, и Гром уже привычно для нас пропадает в бледном лунном свете. Слышу в сумраке судорожный выдох сына и невестки. Что, до сих пор не верилось? Правильно. Мне самому до сих пор не верится, да и страшно до невозможности, честно говоря. Обнялись на прощание, утёрли обязательные в этот момент слёзы, пообещали обязательно вернуться и повернулись к лунному столбу. Взялись крепко за руки. Впрочем, я тут же расцепил руки, поменял нас местами, попросил супругу встать с левого бока, пусть правая рука свободной останется. На всякий случай. И арбалет рядом на поясе висит. Поправил лямки рюкзака, обнял левой рукой жену за плечи. Ещё раз оглянулись, кивнули сыну с невесткой и дружно шагнули вперёд, в мерцающую пелену.

Пропадала тянущая вниз тяжесть рюкзака, словно что-то мягкое нежно и упруго подхватило под руки, потянуло вверх. Испугался и сразу же остановился, придерживая жену за плечи. И мгновенно тянуть перестало.

Сразу же оглянулись, оба, одновременно. Позади как будто окошко в полный рост еле-еле светится. За размытой границей сын на поляне рукой машет. Помахали ему в ответ, сделали пару шагов, ощущая, как возвращается непривычная лёгкость, снова остановились в удивлении. Куда ещё больше удивляться, казалось бы. Ан нет. Не до конца, видимо, исчерпали предел чудес. Лунная дорожка мерцает бледными блёстками под ногами, чуть выше и впереди Гром стоит, на нас внимательно смотрит, за ним огромное в своей бесконечности пространство с мерцающими яркими звёздами. Куда идти? По сторонам слева и справа словно завеса клубится лёгким тюлем лунного света. Даже видно, как редкие пылинки золотятся, кружатся. Посмотрели друг на друга, сделали ещё шаг вперёд, пропала поляна внизу. Оглянулись, только окно всё ещё мерцает далеко позади малюсеньким прямоугольничком. А под ногами дорожка

пропала и бездна звёздная раскинулась. Даже ноги от неожиданности и страха подкосились. Хорошо ещё, на попу не сели, потому что друг за дружку держались крепко. И дышим вроде, значит, воздух в этом прозрачном коридоре присутствует.

– Страшно? Так лучше надо было учиться, стараться! Сколько раз тебе было сказано – учись! А ты? Всё лень! И не надо бояться! Поздно уже.

Оглянулись на ехидный голос, участливо так раздавшийся прямо над ухом, вызвавший очередной приступ паники и новую дрожь в неуспевших окрепнуть коленях. Ба-а! Знакомые всё лица. Вот как только увидел Перуна, так на душе сразу же полегчало! Огромная тяжесть упала с сердца, вздохнул облегчённо, обрадовался, заулыбался.

– Рад. Вижу. Жёнке своей не представишь? А то ведь всякое подумать может.

– Привет тебе, бессмертный. До дрожи в коленках напугал, это ты так специально?

– Извини, скучно мне, почему бы не пошутить?

– Эх, понятно теперь. Когда боги шутят, смертные в штаны готовы наложить от таких шуток. А что будет, если ты рассердишься?

– Не изменился ты совсем, почтения к старшим так и не появилось. Язык твой – враг твой.

– Почему? Не соглашусь с тобой. К старшим я всегда с почтением отношусь... почти всегда, когда они того заслуживают. Согласись, ведь всякие люди бывают... и не только люди.

– Это ты на кого намекаешь?

– Меня Татьяной родители назвали. А вас как? – вклинилась в разговор супруга.

А я-то думаю, что это меня словно за одежду кто-то сзади дёргает? А это жена меня осаживает, чтобы не болтал лишнего. Теперь вот даже меня чуть в сторонку отодвинула, плечом прикрыла, вроде как заступается. Но за руку так и держится, не отпускает.

– Дожил! Меня! Забыли! Не узнают! Куда этот мир катится? Нет, пора, пора мне... в этот, как его? Как вы там внизу говорите? О, вспомнил! В монастырь! Женский! – сгорбился, надулся, отвернулся чуток, выказывая вселенскую обиду молниерукий. А сам глазом так и косится. Ехидным таким глазом. – Перун я! Пе-еру-ун!

– Да не может этого быть! Сам Перун! – всплеснула руками супруга, отпустив мою ладонь, поклонилась поясным поклоном, выпрямилась, встряхнула головой, поправляя волосы. – А вы точно Перун, бог?

Ну, всё. Сейчас она его до белого каления доведёт. Пора выручать бедолагу. Или не спешить?

– А ты сомневаешься, женщина? – раздулся от важности повелитель воинской доблести, гроз и молний. А глаза смеются, доволен.

– Ну, как вам сказать? Место это, конечно, не для каждого смертного, абы кто сюда не попадёт, но мы же попали? Может, и вы такой же?

– Два сапога пара. Что один, что другая. Достойны друг друга. Хотя, может, это и к лучшему? Подойди ко мне, женщина моего друга!

Я даже спинку выпрямил, услышав такие слова. И чуть на попу не сел, рюкзак хоть и полегчал заметно в этом пространстве, но назад всё-таки потянул. Кое-как удержал равновесие, не опозорился, хотя для этого пришлось на шаг отступить. Но довольство никуда не делось. Осталось ещё нос к небу в порыве тщеславия задрать, да мы и так вроде на небе, куда его задирать, глубже или дальше в космос? Повременю. Но лестно, лестно такое слышать. Надо же, друг бога! И какого! А Танюшка снова в руку вцепилась, опасается.

– Иди, не бойся, я рядом буду, – легко подтолкнул в спинку супругу, высвобождая ладошку. Чувствую, как собралась с духом, вздохнула решительно, мне же всё видно, как сжала губы плотно и шагнула вперёд.

– Ай, молодец, ай, умница и красавица! Не обижу, не опасайся меня! – разулыбался Перун.

Ну да. Мы же для него как открытая книга – читай не хочу. Каждую мысль и эмоцию видит.

– Ну, не каждую, скажем. Тебя тоже не так просто разглядеть! – усмехнулся моим мыслям бог, наблюдая с весёлой улыбкой, как моя супруга делает несколько шагов вперёд. дождался, когда она остановится перед ним. – Дай-ка мне свою руку.

Осторожно взял протянутую ладошку за пальчики, помолчал мгновение, дунул в руки и отпустил со словами:

– Мудрое и храброе сердечко. Теперь и ты под моим покровительством. Ничего не бойся, но и по-глупому на рожон не лезь. Боги и те смертны. Помни об этом всегда. Тебя, кстати, это тоже касается, бестолкового, – глянул на меня искоса.

Кивнул головой в ответ, а что оставалось? Не поспоришь, всё верно.

– Глазам не верю. Никак действительно поумнел? То языка было не удержать, а тут молчишь?

– Так прав ты. Что же на правду-то возражать? Бестолковый и есть. Сколько времени не мог твоих намёков про звёздные дороги и чёрную собаку-проводника понять...

– Так понял же? – внимательно глянул Перун.

– Да случайно получилось. Потому и досадую сильно на себя и соглашаюсь с твоими словами.

– Ну, ничего. Коли уже даже с моими словами соглашаешься, значит, толк из тебя рано или поздно будет. Постепенно, медленно, но будет. Но да ладно. Ступай, милая, к своему супругу. Я, конечно, рад вас видеть, но куда это вы собрались? Куда путь свой держите?

– Показалось мне, что Будимир меня кличет. Подумалось, беда там приключилась, надо на помощь идти.

– Ничего там особо плохого не приключилось. Всё хорошо идёт, мы довольны. Ты на славу потрудились.

С души камень упал. Хорошо.

– Можно вопрос задать?

– Ну, спрашивай. Только я вижу, что одним вопросом ты не ограничишься?

– Не знаю. Почему я в произошедшем со мной сомневаюсь? Как будто сон мне приснился. Почему изменений никаких в моём настоящем не произошло? Не получилось у меня там что-то?

– Погоди-погоди. Ишь, высыпал на радостях сколько. Я же тебе только что всё сказал, похвалил, что тебе ещё надо? А почему не помнишь... Так мы память тебе немного потёрли, замутили. Хотели сначала всё убрать, да остереглись, вдруг ещё понадобится? Потому и помнишь ты всё с тобой произошедшее, словно утренний сон. Вроде было, а вроде и нет. А что в твоём настоящем никаких изменений не увидел, так ты сам что на это думаешь?

– Что уже только не передумал. И что сон, думал. Теперь даже и не осмыслить всего сразу. Ещё и на звёздную дорогу встали. Сразу не поверили, только спустя время в голове всё уложилось. Но всё равно, пока тебя не встретил, не верил до конца, думал, не со мной всё происходит, как в тумане всё.

– Эка ты наговорил. То наяву, то в тумане. Не бывает так. Оно или есть, или нет. По-другому не происходит. Зря мы тебе голову заморочили, наша вина. Но ничего, пройдёт, вспомнишь всё, легче будет. А не вспомнишь, так в том беды особой не будет. Так что думаешь про изменения?

– Думаю, что с изменением прошлого образовалась в нём некая развилка существующей реальности и новая история пошла в другом направлении. Тут же, в моей настоящей действительности, слишком многое пришлось бы исправлять.

– Правильно думаешь. Нет у нас столько сил, чтобы твою реальность исправить. Поэтому пришлось новую ветку сделать. Получилась ещё одна параллельная Русь. Другая...

– Почему сил нет? И много таких параллелей?

– Почему? Смотри, чтобы потом вопросов глупых не задавал. Видишь, как от тебя золотистое свечение струится? Не видишь? А так? Вот. Смотри теперь, видишь, как оно вверх от тебя ко мне уходит? Это и есть божественная вера. Когда сильна вера твоя, это свечение становится сильнее, крепнет, сгущается, отрывается кусочками, искрами, и к нам идёт. Чем больше людей верит в нас, тем мы сильнее, и наоборот. У вас же, в твоей реальности, почти никто не верит, забыли нас.

– погоди, – перебил. – Как же не верит? А сколько разных реконструкторов, ролеплейщиков, последователей?

– Хм, смотри. Видишь, почти нет от них света. Играют, не живут. Поэтому и нет у нас силы в твоём мире! – закрыл на мгновение открытое для показа окно в мой мир. – Не можем мы что-то у вас менять. Понял, наконец?

Дождался моего кивка и продолжил:

– А с параллелями тоже всё просто. Много их. Присмотрись. Видишь, как от звёздного пути маленькие тропинки ответвляются? Присмотрелся?

– Вижу. А мои способности со мной остались?

– Торопыга. Мы вроде о другом говорим? Скачешь, как... потом скажу, как кто. Когда жены твоей не будет рядом.

– Да ничего, можно и при мне сказать, я и не такое слышала, – разрешающе махнула рукой супруга.

– Сговорились. Все против меня, – пробурчал Перун. И продолжил, как ни в чём не бывало: – Так вот. Для торопыг повторяю. Оставил я тебе твои способности, не переживай. Сказал же, думаю, ты мне ещё пригодиться можешь. Ну, а коли не годишься, то и ладно, не обеднею. Да и заслужил ты эти способности.

– И долголетие?

– Да! – рявкнул Перун.

– А жене моей?

– Что жене твоей? – растерялся и опешил от неожиданного вопроса молниерукий.

– Долголетие.

– Хм. Ты уверен? Оно тебе надо? – и посмотрел хитренько.

Это что? Он так меня проверяет? Хотя вряд ли.

– Надо!

– Будь по-твоему. Ох, и намайсь я с тобой. Слушай дальше да на ус мотай. Кстати, ты зачем усы сбрил? И где твоя борода? Ты куда собрался, дурень? – а Перун-то разозлился, даже маленькие молнии вокруг рук зазмеились и озоном запахло.

– Точно, дурень, не подумал совсем, – покаялся сокрушённо.

– Ладно, отрастут, помогу немножко бестолковому. Будет тебе от меня подарок. Слушай дальше, как правильно ходить по дороге. В конце каждой тропки окошко светится, вроде того, из которого вы вышли. Видишь? Так вот, если ты уже проходил через такое окно и знаешь, что в нём находится, то нужно точно представить, куда ты хочешь попасть, и попадёшь, понял? – дождался моего подтверждающего кивка и продолжил: – Или собаке прикажи, она проведёт. А во все другие неизведанные параллели в первый раз только ножками идти. Но тебе оно и не нужно, нечего вам там делать! Уяснил?

– Уяснил. А потом можно будет хоть одним глазком посмотреть, как в других мирах люди живут?

– Дело твоё. Только я бы тебе советовал сначала с одним делом закончить и только потом о глупостях думать. И запомни, миры разные и существа тоже там разные. Ты правильно понял, что не везде миры населены людьми, встречаются и совсем другие существа, которым ты только

в пищу и сгодишься. Знать нужно, куда стремишься! Некоторые стремления никуда не приведут, другие только к беде, и лишь единичные к успеху.

О как. Даже чем-то таким давно знакомым повеяло. Надо своё любопытство в узде держать, а то и впрямь заведёт оно куда-нибудь не туда. Перун помолчал, видимо, давая мне время и возможность осмыслить выше сказанное, потом кивнул удовлетворённо, похоже, моим мыслям, и продолжил:

– Теперь ступай, куда собирался, а я прослежу за вами, на первый раз. Дальше сам. Прощай!

– И тебе не хворать! А подарок? – автоматически вырвалось у меня по старой привычке, даже не успев сказанное осмыслить.

– Подарка захотелось? Держи, неугомонный! – выбросил вперёд кулак, неслабо так засветив мне в челюсть. Дождался, пока я проморгаюсь и приду в себя, подошёл вплотную, не обращая никакого внимания на возмущённую супругу, пытающуюся как-то заступить ему дорогу:

– Как тебе мой подарок? Хватит или ещё хочешь?

– Нет, достаточно одного раза. Это ты зачем? Нашёл, с кем сравниться?

– Ну, ты же просил подарок, вот я тебя и одарил. А что, не по нраву?

Рука потянулась к подбородку и запуталась в густой бороде. Поднял пальцы чуть выше и с удовольствием ощупал пышные жёсткие усы. Ошарашенная жена молча смотрела на все эти выверты, манипуляции и особенно на мою мгновенно заросшую физиономию квадратными глазами.

– По нраву. Благодарю. Только вот хотелось бы, чтобы не так жёстко и больно было.

– На тебя не угодишь! Зато всю жизнь помнить будешь, что тебя сам Перун милостиво обласкал своей десницей. Честь для воина! Да и не бил я тебя, так, приложился слегка, можно сказать, приласкал. Если бы бил, от тебя одни сапоги и остались бы... и те всмятку. Жёнка, и ты подойди. Да не опасайся ты так, я жёнок не обижаю. Вот, молодец, голову преклони, поглажу по волосам, будет тебе мой дар. Пришла в себя? Ступай к мужу, всё уже. Что замерла? Понравилось? Так и оставайся со мной, зачем тебе этот неумеха? Я же лучше. Что головой мотаешь, что твоя ко... м-да. Не хочешь? Ступай тогда, ступай, да не бойся, хорошо всё будет. Так, заговорился я с вами, а у меня там кони не кормлены. Прощайте.

– Кони? Какие кони?

– Да есть там одни. Мы же тоже меняемся вместе с вами, а иначе опять пропадём. Потом расскажу, ступайте. Или сам узнаешь. Держи крепче свою жёнку, а то потеряешь. Видишь, растерялась от моей милости, ослабла чуток, отстать может.

Взял жену за руку, представил поляну перед храмом Будимира в лесах у Старой Ладogi, моргнул и... очутился перед знакомыми резными дубовыми воротами. Гром метнулся вперёд и сразу же остановился, затормозив лапами, взрывая утоптаный песок. Высокая, мощная фигура волхва привычно подпирала белёсые от времени опорные столбы, седая длинная борода закрывала широкую грудь, одновременно укрывая и сложенные на ней в замок руки. Верховный оттолкнулся плечом от толстого резного бревна, шагнул нам навстречу, зорко всматриваясь в лица, тень улыбки узнавания осветила на мгновение суровое лицо.

– Здравствуй, боярин!

Пошла вторая неделя, как мы гостим у верховного волхва. Событий за время моего отсутствия в княжестве произошло не то что много, а очень много. Просто жизнь не стоит на месте. Самое главное, что наше дело не порушено, государство крепнет, разрастается и укрепляется. У Трувора подрастает сын, уже всюду бегаёт по Кромю с деревянным мечом. Князь даже на коня его сажал, да маловат он ещё, самому ему не управиться даже со спокойной лошадкой, силёнок пока не хватает. Княгиня, конечно, противится, мол, мал ещё, да кто её в таком деле слушать будет? Кстати, про иноземное происхождение княжеской супружницы давно забыли, никто об этом и не вспоминает, всем она по нраву пришлась. Хорошо живут, добро. Порубеж-

ные крепости достроили и заложили новые на опасных направлениях. Прихватили ещё кое-какой землицы, но волхв отказался со мной разговаривать на эти темы, мол, сам всё узнаю, когда до Пскова доберусь. Город процветает, торгует и разрастается.

С монахами, теми самыми, которых я тогда привёз с собой из южного похода, обо всём договорились полюбовно. Теперь они тоже в городе живут, поставили новый храм, проводят службы, тесно общаются с Яромиром. Живут скромно, жизненный опыт помог справиться со всеми невзгодами и лишениями.

В моей крепости сейчас всем заправляет Головня со своей женой. Ну, как заправляет? Старшинствует. Созданный нами Совет успешно действует, самые ответственные и важные решения обсуждают и принимают на общем собрании. Вече? И вече есть. Как же без него.

У Синеуса тоже всё хорошо. Первой же зимой приходили в Выборг варяги попробовать крепость на прочность, да обломали зубы. В этой аванюре вместе с варягами в полной мере поучаствовали и окрестные племена. Теперь там тишь да гладь. Спокойно стало в округе. Синеус двинулся на север и вышел к Студёному морю. Закрепил ряд с морскими жителями побережья и теперь скупает у них клык морского зверя, ценные меха и жир. Нашли и железо, о котором я как-то рассказывал, теперь сталь в мастерских получается гораздо твёрже и острее. И самое главное, времени прошло ни много ни мало, а больше десяти лет со времени того дня, как я отправился домой. А у меня там и года не прошло. Парадокс...

Будимир несколько замялся, когда зашёл разговор о Рюрике. Вот в Новгороде не всё хорошо. Нет, тут же поспешил успокоить меня волхв. Живут братья дружно, заповеди дедовского покона соблюдают твёрдо. Только вот неугомонный Олег опять собрался на Киев идти. Уговорил всё-таки Рюрика, получил княжеское разрешение. Осталось с остальными князьями договориться и получить добро верховного князя, которым доньше так и остаётся Трувор. Скоро соберутся князья вместе и будут решать этот вопрос. Нет никакого покоя от этого буйного варяга, всегда найдёт какое-нибудь бедовое занятие на свою беспокойную голову. И ладно бы сам, один своими идеями занимался, так нет, и князя за собой тянет. Даже авторитет верховного волхва для него не авторитет.

– Не дело затевает. Против всех идёт, смуту и раздор между братьями вносит, народ баламутит. Нет для нас на юге ничего интересного, а вот беда может быстро прийти. Обиду хазарам учиним, и мир между нами закончится. Поэтому и позвал тебя, может, хоть ты сумеешь упрямого Олега окоротить.

– А зачем его окорачивать? Пусть уходит. Заодно с ним уйдут и те, кому в княжестве тесно стало, от кого можно беды ждать! – хорошо обдумав услышанное, ошаршил Будимира.

– Так ты же сам сколько раз говорил, что не нужен нам юг? А он нам и так не нужен, у нас всё хорошо, торгуем с Киевом и Смоленском, булгары зерно исправно возят, с хазарами договор о мире и торговле действует, наши струги даже в Царьград ходят за товарами. Люди вздохнули спокойно. Не понимаю тогда тебя.

– Если Олег пойдёт на юг, это не значит, что всё княжество с ним ушло. Это просто один человек со своей дружиной ушёл. Пусть и не простой человек, которого обязательно свяжут с нами, про которого будут думать, что за ним вся наша сила стоит. Пусть так. Нас это ни к чему не обязывает. Пока. Ровно до тех пор, когда эта аванюра у Олега выгорит. Ну, то есть всё у него с его задумками получится. Получится и Киевом овладеть, и земли окрестные под себя подмять. Вот тогда он и попросится под наше крылышко. Некуда ему будет деться. Сил-то у самого явно не хватит от всех отбиться и на киевском престоле удержаться. Это только вначале его никто не тронет, а вот потом... Как только слух пройдёт, что он один и сам по себе, так и полезут его все на прочность проверять, никто такой жирный кусок не отдаст ему просто так. Так что придётся ему отбиваться и от хазар, и от дикой степи. Кто там сейчас голову поднимает, печенег? Все под стены киевские придут. А нам надо крепко думать, будем ли мы Олегу в таком случае помогать? Надо ли оно нам? То, что Рюрику это будет нужно, понятно. Всё-таки с

Олегом будет большая часть его дружины, его люди, опять же родную кровь в беде не оставишь. Надо думать. Ты весточку Трувору послал, чтобы струг за мной отправил в Старую Ладугу? Поговорю с князьями, подумаю, что можно посоветовать. Ты же со мной отправишься?

– С тобой. Давно я не выбирался за стены своего храма. Надо самому посмотреть, чем народ дышит, с людьми поговорить, Совет послушать да тебя заново представить. Все думают, что ты в дальние страны отправился после того, как у меня отучился. Весточку от родичей получил и поспешил уехать, но обещал вернуться. Так мы всем сказали. И боги так велели. Помни об этом.

– И про супругу мою не забывай. Как-то надо будет её князю представить.

– А что её представлять? Супруга и супруга, куда теперь денешься? Присмотрелся я к ней, хорошая тебе подмога в жизни.

– Это да. Вот только к здешней жизни нужно будет привыкнуть.

– Ничего, привыкнет. Ты же привык? Вот то-то. Интересно мне рассказывала про прививки, про эпидемии разные, вот пусть этим и занимается, почёт и уважение ей от людей будет. А мы такое начинание поддержим.

– Хотелось бы. Когда в путь?

– Струг уже должен к Ладуге подплывать, можно завтра с утрачка и отправляться. К дубу пойдёшь? С Перуном поздороваться.

– Да поздоровался уже, когда сюда добирался, – поскрёб челюсть под бородой. – От всей души поздоровались. Как-то больше не хочется...

– Нет, всё-таки не воин ты, скорее ремесленник! Был бы воином, так не задумываясь ещё бы попросил! Это же так здорово, когда слышишь вокруг звуки боя, когда lupишь супротивнику в челюсть со всей дури, когда во все стороны разлетаются твои поверженные враги и...

– Сопли! – перебил я внезапно появившегося перед нами Перуна.

– Какие сопли? – опешил бог.

– Которые разлетаются во все стороны от молодецкого удара! – поморгал честными простодушными глазами ему в лицо.

В дверях не смогла сдержаться от смеха так вовремя зашедшая в зал жена и как раз услышавшая этот разговор. Сначала тихонько захихикала, еле сдерживаясь и внимательно наблюдая за растерянным Перуном, а потом засмеялась в полный голос, всё громче и громче с каждым мгновением. Верховный только головой крутил в полной растерянности, наблюдая то за моей женой, то, с опаской, за богом, то с вопросительным недоумением за мной. Я тоже не выдержал и поддержал супругу, засмеялся тихо. Ну, смешно же, в самом-то деле, получилось?

– Это шутка такая. Ты же знаешь, ну не люблю я всех этих драк и сражений. Особенно когда попусту. Лучше миром договориться.

– Это ты варягам расскажи и хазарам, которых на порогах побил. Шутит он... – начал что-то понимать Перун. – Эх, зря мы тогда тебе в храме помогли. Надо было не останавливать Святовиды. Не научился ты за языком своим следить.

– Ну, прости, пошутил без задней мысли, слишком уж пафосно ты говорил.

– Это ещё что за слово?

– Ну, слишком торжественно, что ли, переусердствовал, – попробовал объяснить и заодно оправдаться.

– Ладно, боги с вами, то есть я с вами! – махнул Перун рукой, косясь на мою супругу. – Давай о деле поговорим. Что тебе помогли на звёздную дорогу выйти, это ты, надеюсь, понял? Сам бы ещё долго пыжился. Пришлось немного помочь. Для чего, слушайте. Внутри у вас всё хорошо, а вот с запада и со степи опасность приближается, силы пока копят. Ты это и сам знаешь. Время ещё есть, но не так его и много, надо успеть подготовиться. Что делать? А то, что до этого делал. Крепости ставить, заставы передовые, дружины или войско усиливать, обучать. Разберёшься на месте.

– Так всё же у нас хорошо?

– Пока хорошо. Но, если так и будут на месте стоять, добра не будет. Людей начнут уго-
нять в полон, городища жечь. Что это значит? То, что ослабеет княжество, а если людей, живу-
щих по старому покону и славящих своих богов, станет меньше, значит, опять мы силу поте-
ряем, не сможем удержаться на своём месте, отступим перед натиском, и вас, опять же, не
сможем защитить.

– Оказывается, как тесно люди и боги между собой связаны... – тихонько пробормотала
моя жена в полной тишине.

– И связь эта пропадает, когда верующих в нас становится меньше. Вы поддерживаете
нас своей божественной искрой веры, а мы в ответ защищаем вас от тёмных сил.

– А от ошибок?

– Нет. Тут вы сами. Для чего вам свободу выбора дали? Свободу принимать самим свои
решения, как жить, что делать и во что верить...

– Но тогда получается, что своим вмешательством вы нарушили эту свободу выбора? –
перебил Перуна.

– Нарушили? Скорее, подтолкнули на правильный путь, с которого вас сбили. Сбили,
опять же, новые боги, которым вы поперёк горла встали со своим поконом. Наша вина, что
не увидели мы вовремя этого, проморгали, потому и сами чуть в небытие не ушли. Пришлось
вмешиваться, исправлять свои же и ваши ошибки. Потому и тебе многое прощается в словах и
речах дерзких, что заслуга твоя несомненна, а иначе... – грозно нахмурился он в мою сторону.

– А сейчас что, опять развилка?

– А не знаю. От вашего решения всё зависит, что выберете, по какому пути пойдёте. Мы
всё, что от нас требовалось, сделали... Тебе вот помогли вернуться... – намекнул ненароком.

– Поня-ятно... А что-то конкретное можешь ещё сказать? Кто, где и когда?

– Нет. Теперь только сами. Теперь всё от вас зависит, будем ли мы и вы живы. Нельзя
нам больше вмешиваться, не дадут, присматривают за равновесием.

– Кто?

– А самому подумать? Что ж ты всё подсказок ждёшь? Сам не знаешь, у волхва спроси.
Уж он-то тебе в такой малости не откажет.

– Тогда поясни вот что. Сейчас мы с тобой говорим, это разве не вмешательство, не
помощь?

– Да когда же ты успокоишься? Когда, прежде чем языком брякнуть, головой думать
начнёшь? – рассердился Перун.

– Ага, теперь понял! Тогда последний вопрос. Сейчас последний, – обломал я обрадо-
вавшегося было бога. – Здесь прошло больше десяти лет, пока меня не было. А у нас, там,
меньше года. А не получится так, что мы домой вернёмся, а там уже наш сын состарится?

– А что ж его с собой-то не взяли? – начал Перун, да сам себя и оборвал, взглянув в лицо
моей супруги. – Ладно, я не ты, глупо шутить не буду. Придётся мне вас потом самому домой
возвращать. Должен будешь. И без возражений.

– Так я же для вас и стараюсь... – начал было я.

– Мне передумать?

– Нет, не надо! – поспешил с ответом, поймав грозный взгляд жены. Ничего, этот разго-
вор я ещё продолжу, перевернётся и на нашей улице грузовик с карамельками.

– А ты не бойся, всё хорошо будет, – успокоил Перун напоследок супругу, кивнул на
прощание Будимиру, пристально посмотрел на меня, покачал головой, наверное, в ответ на
мои мысли и растаял в воздухе.

Пора собираться в дорогу.

Глава 3

Тропа от лесного храма до Старой Ладogi совсем не изменилась. Не заросла она за эти годы высокими деревьями и непролазными кустами, и, наоборот, не появилось на ней удобного и комфортного натоптанного пути. Так и вилась себе по-прежнему незаметная неопытному глазу лесная стёжка-дорожка по узловатым, перекрученным сосновым корням, то ныряя в тенистые заросшие овраги, то пересекая немногочисленные ручейки и обходя густо заросшие заболоченные низинки.

Лошадок у нас не было, как-то не озаботились мы ими, да и не напрягало особо отсутствие четвероногого транспорта, пешком лучше, спокойнее и не так хлопотно. По крайней мере пока. Супруге для начала нужно хоть немного научиться верхом ездить. Шансов на то, что она с первого раза покажет себя лихой наездницей, практически нет. Громчик вёл себя спокойно, не носился по кустам, как раньше, остепенился, может быть. У знакомого по прежним остановкам ручейка заночевали, разбив немудрёный лагерь, и на следующий день после полудня вышли из леса. Широко раскинулась Ладога своими отстроенными после пожара посадками. Разросся окольный город, от леса всей крепости не видно, лишь серые деревянные шапки крепостных башен возвышаются за и над крышами горожан. Вышли на накатанную твёрдую дорогу, пошли по широкой просторной и прямой улице, радующей своими крепкими домами, сплошными заборами с узкими и низкими калиточками. Помнят люди трагедию павшего под натиском захватчиков сожжённого города, сделали нужные выводы, теперь не так просто будет врагу воевать на этих улицах, где каждый дом превращён в своеобразную маленькую крепость с узкими бойницами в виде окошек, откуда так удобно обстреливать нападающих. Попробуй, протиснись через такую тесную и низкую калитку, особенно если за ней тебя обязательно встретит молодецкий удар топора по вынужденно склонённой и подставленной под удар шее. А потом такие же узкие двери в дом в свободно простреливаемом через окна-бойницы внутреннем дворе. Подобные застройки были приняты и в Новгороде, и в Пскове. И не только. Во всех городах, селениях и отдельных выселках печальный опыт заставлял строить одинаково. Ворота, в дневное время распахнутые настежь, тем не менее всегда охранялись стражниками. За прошедший год глаза как-то быстро отвыкли от воинов, облачённых в кольчуги и шлемы, и теперь сразу же зацепились за мечи и копья, щиты и бронь. Стражники коротко и уважительно поклонились верховному волхву, мазнули взглядом по мне, отшатнулись от взрыкнувшего Грома и задержали свои взоры на супруге, вызвав моё лёгкое раздражение. Забыли меня тут. Но дальше взглядов дело не пошло, всё-таки службу воины знали, о чём и свидетельствовал быстро бегущий в сторону детинца посыльный. Узнали Будимира, это хорошо, всё нам легче будет. Сейчас его встретят, узнаем все новости, и про ожидаемый струг, надеюсь, тоже. Не спеша потопали вслед за убежавшим посыльным, с удовольствием оглядываясь по сторонам. Мне и то было отвычно, а что говорить о жене? Она хоть и держала меня за руку, но то и дело дёргала, привлекая внимание и требуя разъяснения о том или ином предмете или строении. Ну, ещё бы, конечно, интересно! Это тебе не книги читать или кино смотреть, это лично самой вживую своими глазами увидеть прошедшую неизвестную историю. Но не только мы смотрели во все стороны, так же косились и на нас, уж больно любопытно мы выглядели со своей одеждой, рюкзаками и оружием. Хорошо ещё, что у меня стараниями Перуна борода появилась, а то точно выглядел бы среди местных жителей белой вороной. Подошли к высокому резному крыльцу детинца. А в прошлое моё посещение нас принимали вроде бы в маленькой избе, которую ещё Синеусу срубили сразу после пожара? Ну да, вон она на отшибе стоит... Получается, всё хорошо в городе, раз так расстроились и укрепились. Это радует. Подниматься на крыльцо не стали, остановились. Вот как только остановились, так и распахнулись тяжёлые широкие

двери, выпуская из тёмного зева на свет небольшую группу встречающих. Сейчас и узнаем, встречающих ли?

– Здравствуй, мудрый Будимир. Проходи, гостем будешь, и путников твоих приглашаем. Давно тебя не видели. Случилось что или скоро случится? Что вынудило тебя свой храм оставить? – засыпал волхва вопросами остановившийся в нескольких шагах перед нами крупный боярин.

– И тебе здравствовать, храбрый Драгомир. Куда так торопишься? На многие вопросы много ответов не получишь, по одному спрашивать надо. А перед тем как спрашивать, не худо было бы в терем пригласить да за стол усадить.

– Да это я время тяну, пока столы накрывают. Не бурчи, ты и так всё понял. Проходите уже, – усмехнулся в усы боярин, легко оправдываясь на упрёки и с недоумением неверящего узнавания вглядываясь в стоящую рядом с нами собаку.

Драгомир? А не тот ли это сотник, что в крепости оставался старшим после того, как Синеус в Выборг ушёл? Похож вроде бы. Но заматерел, вширь и толщину раздался, одежды богатые. Сменил железо брони на боярские шмотки, так получается? Но меня же должен помнить, или не узнал пока?

Темно в тереме, солнце еле пробивается через небольшие оконца, рисуя на высокобленных половицах чёткие прямоугольные фигуры. А в окна стёкла вставлены, псковские, наверное. Отвык я от такого, странно как, всего-то год прошёл, а уже отвык. Вроде и знакомо всё, а непривычно. Расселись. Раньше лавки стояли, теперь крепкие табуретки вместо них, тяжёлые на вид. Столы накрыты, у стены девки стоят, смотрят, мало ли что ещё может понадобиться? Будимир лишь рукой махнул, так они мигом исчезли, только сарафаны в проходе взметнулись.

– Пить хочется, горло пересохло, – как бы пожаловался вслух Будимир, наливая в стоящую перед ним на столе чашу из пузатого кувшина что-то пенистое. Глянул вопросительно в мою сторону, увидев согласный кивок, налил до краёв мне и супруге в такие же чаши. Поднял свою посудину, поднёс к губам и в несколько больших глотков осушил содержимое, только острый кадык заходил на заросшем седым волосом горле. Пора и нам пробовать. Поднёс чашу ко рту, одновременно вдыхая фруктовый запах. Тьфу ты, узвар, компот по-нашему. Кивнул ободряюще жене и припал к содержимому. Сразу же полегчало, отступила жажда. Супруга состояла, отпила несколько маленьких глоточков, прислушалась к ощущениям, кивнула еле заметно каким-то своим мыслям и, сделав ещё глоточек, поставила чашу на столешницу.

Теперь можно и покушать. Мясо, птица есть, рыбка разная, корнеплоды знакомые, каша, ягоды, хлеб. Хорошо! А боярин мнётся, смотрит недоверчиво, вроде и узнал, а вроде и нет, сомнение во взгляде так и сквозит.

– Спутников своих не представишь? Смотрю, вроде знакомые, а кто – никак не вспомню... – дождавшись, пока волхв насытится и откинется от стола, осторожно спросил Драгомир.

– Что, не узнаёшь боярина псковского? – улыбнулся волхв.

– Владимир? Ты ли это? Как я сразу не узнал? Ведь совсем не изменился! Как будто и не прошли годы! – даже на ноги вскочил, обрадовался вроде. Обежал вокруг стола, не обращая внимания на вскочившего и заворчавшего Грома, вынудив и меня подняться, сгрёб в медвежьи объятия, радостно хлопая по спине. Ёшкин кот, я уже и забыл об этой местной традиции – выбивать из спины последнее здоровье вместе с дорожной пылью.

– Я это, Драгомир, я. Вернулся вот. А это жена моя, Татьяна, – представил супругу, предваря возможный вопрос.

– Молодец! – коротко, но с уважением поклонился старый знакомец, опять повернулся ко мне: – Где пропадал столько времени?

– На родину ездил. Надо было все свои дела там закончить.

– Говорили же что-то такое, вроде бы ты сам откуда-то издалека? Потому так долго и отсутствовал?

– Потому. Пока туда-сюда, да там столько дел скопилось. Пока всё разгрёб... Ничего, теперь вот вернулся. Ты-то как тут? Смотрю, воинскую службу забросил, в бояре подался?

– Пришлось забросить. Теперь я здесь вроде посадника. Хотя всё по-прежнему на мне, и дружина, и город. Так, получается, это за вами быстрый псковский струг пришёл? Мне они так и не сказали, с какой целью прибыли, молчат. Пустые опять же пришли, без товара. Теперь понятно, почему молчали.

– За нами. Если струг тут, то и нам пора отправляться. Спасибо тебе за угощение, но времени у нас совсем нет. Торопиться нужно.

– А рассказать, где был, что видел? Погостить? – не обращая особого внимания на мои слова, продолжал гнуть своё бывший сотник.

– Давай в следующий раз? Дел очень много. Что там без меня за эти годы в крепости было?

– Да всё там хорошо. Пушки нам другие привезли, арбалеты новые у всех. Погостил бы, а?

– Извини, поедem мы. Скоро буду в Ладоге, тогда всё и расскажу подробно. Слово даю. Да и князь в Пскове нас, поди, дождался.

– Это да. Ну, в следующий раз, так в следующий. Но всё расскажешь, уговор? А то остался бы?

– Уговор. Пойдём мы, пора. Прощай!

– Провожу вас до струга, окажу внимание боярыне, выкажу уважение.

– Пошли уже, ловелас.

– Опять новых слов привёз. Не обругал хоть?

– Да нет. Это тот, кто с женщинами уважительно разговаривает, – быстро придумал необходимое объяснение. Сколько раз себя за длинный язык корил, а толку нет, обязательно что-нибудь, а вырвется.

– О как. Запомню. Ну, пошли уже. По пути познакомлю вас со своим воеводой. Мало ли, пригодится.

Наконец-то причал. Большой, широкий, каменный, такой, как у нас, в Пскове был. А Ладога новая понравилась, крепкий, основательный город отстроили. Остановились у струга, дождались, пока на палубе появился кормчий. И тут знакомые лица – Бивой. Жив, курилка. Я же его за тот безбашенный проход через Днепровские пороги хотел в наказание к князю отправить служить, да не успел, в своё время вернулся. Где он сейчас?

– Верховный, нас князь за вами отправил. Наказал со всем прилежанием поспешать. И на обратном пути нигде не задерживаться... – бойко начал тараторить кормчий и зацепился взглядом за Грома. Помедлил миг, вглядываясь, прищурился, словно не веря своим глазам, тряхнул седой гривой спутанных волос, повернул голову ко мне. На автомате продолжил доклад, с каждым мигом по мере узнавания всё больше и больше замедляясь и затихая. Узнал! Ошарашенное лицо и отвисшая на грудь челюсть тому свидетельствуют.

– Прощаемся и загружаемся, – повернулся к нам Будимир.

Опять прощальные похлопывания по спине, повторные обещания обязательно всё рассказать при следующей встрече, и вот она передо мной, такая знакомая строганая палуба струга. Пружинят доски сходней под ногами, втягиваю носом волнующие запахи нагретых солнцем досок обшивки, слышу, как выводят монотонную скрипичную мелодию побряхтывающие уставшие канаты такелажа, как глухими шлепками плюхает о крутой борт волна. Соскучился. Вновь ловлю на себе изумлённый, полный вопросительного неверия взгляд Бивоя, поворачиваюсь к нему, хмурюсь строго:

– Совсем службу забыли? Расслабились? Что надо сделать? Где доклад?

– Боярин... – всё ещё неверяще, в полной прострации, пробормотал кормщик. – Вернулся...

– Бивой, пора бы тебе в себя прийти. Ну, боярин, ну, вернулся... Ты чего? – подошёл к нему и по плечу легонько похлопал. – Доклада от тебя я, видимо, так и не дождусь. Тогда определи-ка нас по каютам. Меня с женой в отдельную. Грому коврик какой-нибудь бросьте под навесом, как всегда. Да приходи ты уже в себя!

Показалось мне, что тот вроде как даже слезу украдкой смахнул с глаз. Вот ведь. Я и сам что-то расчувствовался, хотя для меня после переноса времени гораздо меньше прошло. А хорошо так возвращаться, когда тебя везде по-доброму встречают. Что Драгомир в Ладогe мне обрадовался, что теперь вот Бивой. А команда у него, кстати, совсем другая, никого не узнаю.

– Боярин, а я вас в свою пушу. Она просторнее будет. А это жена твоя? Но свадьбу всё равно сыграть надо будет, иначе никто не поймёт, обида будет. Будимир, для тебя уже каютка подготовлена, да ты и сам всё знаешь. Всех обустроим. Эх, князю не сказали, он бы не утерпел, сюда бы с нами пришёл. И Головня. Пошли же, что стоите? Нет, погодите, что-то я и впрямь растерялся. Можно нам отходить? Ага. Так, бездельники, что рты раззявили, расслабились? Чего тут не видели? Почему ещё канаты не убраны? А ну, шевелитесь! – рявкнул на свою немногочисленную команду, с любопытством глазающую на разыгравшееся перед ними представление. – Уставились они! Вы что, боярина Владимира никогда не видели? Или на свою беду позабыли? Насмотритесь ещё. Да шевелитесь расторопнее, худые щучьи задницы! Прости, боярыня.

Выскочили на причал матросы, отвязали причальные концы, перебросили на палубу, убрали сходни, оттолкнулись, выгребли на стрежень, поставили паруса. А форма-то морская всё ещё существует, которую я придумал. Ишь, какие лихие морячки получились.

– Боярин, а где ты столько времени пропадал? И не изменился совсем, – первый вопрос Бивоя прозвучал сразу же, как только я вышел на палубу, забросив наши рюкзаки в отведённую нам каюту и переодевшись в более лёгкую одежду. Следом за мной и Татьяна вышла.

– На родину пришлось уехать, с наследством разбираться, теперь вот вернулся. Ты лучше расскажи, что за это время произошло, как живёте, где твоя прежняя команда?

– Понятно. Далека, видать, твоя родина. Рубаха у тебя интересная. Оттуда? Да-а. Столько времени прошло. А у нас что? Всё хорошо. Живём по-прежнему. Тихо на рубежах, нападать на нас опасаются, по Варяжскому морю спокойно ходим. Ты наши новые пушки видел? Нет? Посмотришь ещё. Так что как только какие-нибудь лихие людишки на море наш флаг завидят, так и драпают от нас во всю прыть, – причём Бивой умудрялся одновременно задавать вопросы и тут же на них сам и отвечал. Попутно внимательно контролировал действия команды, давал чёткие команды рулевому и одновременно болтал со мной. Умелец!

Точно, а на флаг-то я и не посмотрел. Задрал вверх голову, с радостью увидев знакомые цвета. Указал на него супруге, ни на шаг не отходящей от меня и с восторгом впитывающей новые впечатления, пусть посмотрит. Кивнул Бивою, приглашая продолжать рассказ, благо паруса взяли ветер, струг начал разгоняться, зашлёпала волна в скулу, зашипела раздражённо, гневно пенясь за кормой, постепенно теряясь вдаль и унося своё раздражение к далёкому берегу.

– Город растёт, теперь твоя крепость за общей городской стеной находится. Головня там старшинство. Ух и обрадуется же он. Совет прежний, всё, как при тебе было, так и осталось. Да сам скоро посмотришь. А команда моя? Так кто в капитаны вышел, кто на берег сошёл. А я теперь при князе служу. Мало ли куда срочно плыть надо будет, вот как сейчас. Да и при этом назначении князь мне сказал, что такова твоя воля была перед отъездом. Так?

И что теперь отвечать? Правду сказать, что я его хотел в наказание от себя убрать? А зачем?

– Так, Бивой, так. При князе оно тебе лучше будет. Так думал.

– Благодарствую, боярин. Только скучно очень. Больше стоим у причала, груши околачиваем. Вот пришлось новую команду набирать, не выдержали мои ребята такого безделья, ушли.

– Ничего, теперь не застоишься. Надо будет новые крепости проведать, посмотреть, что сделали и что ещё надо сделать. Рагнар не объявлялся?

– Нет, не было дана. Как ты его отправил в поход, так и пропал рыжебородый. Наверняка за новую юбку где-то зацепился.

– Ну ладно, рули, а я жене покажу всё тут. Интересно ей, видишь? В первый раз на таком корабле.

И не соврал ни разу. Действительно, всё на речных круизных трамваях приходилось плавать, а тут старинный деревянный парусник. Даже у меня проснулись, накатили старые воспоминания, прежние впечатления вспыхнули с новой силой. Надо было сразу, с самого начала устроить супруге экскурсию по кораблику. А то отвлёкся новостями, кинулся старого знакомого расспрашивать, нет чтобы до места дотерпеть и всё своими глазами увидеть.

– Вот такие корабли мы делали на своей верфи. Покажу тебе, что тут есть и как всё устроено. Пойдём? – потянул за руку супругу.

Да и самому, честно сказать, интересно. Добавилось ли что-нибудь новое в старую конструкцию или нет? Что за новые пушки появились?

Облазили всё, куда только можно было пролезть. Ничего нового для себя не отметил, даже пушки вроде бы были те же, что лили ещё при мне. Вечером долго сидели на палубе, любуясь ночным небом, лунной дорожкой, ломающейся на волне. Бивой даже ночью решил не убирать паруса, звёздное небо позволяло ориентироваться по курсу, а маршрут, по его уверению, был многократно пройден, проверен и никаких подводных камней не имел. Разве только можно было налететь на такое же судно, решившее заночевать на воде, но для этого зажигали сигнальные фонари на мачтах. Опять же караул никто не отменял, особенно в ночное время. Сразу же вспомнил про обязательных наблюдателей, задал вопрос Бивою. Всё верно, так и сидят всё время на мачте. Как придумали в своё время, когда ещё только начали строить первые суда, эти вороньи гнёзда, так с тех пор и не меняли ничего. А зачем менять, если они делом доказали свою полезность? Только менять наблюдателей нужно чаще, тяжело им наверху сидеть. Качка на верхотуре совсем по-другому ощущается, не так, как на палубе. Не все выдерживают такую болтанку.

Когда прошли Неву и вышли в море, сразу же обратил внимание на то, что рыбаков в прибрежных водах стало гораздо больше. Бивой объяснил, что на побережье теперь живут спокойно, грабежи и пиратский разбой практически прекратились. Редко, когда заскочит сюда какой-нибудь нурманский драккар за поживой, но долго задерживаться у наших берегов не рискует, быстро убегает назад. Если успевает, конечно. Люди вздохнули спокойно, и вот он, результат, не замедлил сказаться. Прирастает население, рыбу ловят, на промысел ходят, богатеют. Обратил внимание на дома в селениях, мимо которых проходили. Нет никакого сравнения с теми приземистыми хижинами, оставшимися в прошлом. Люди стали жить лучше. Есть, что себе оставить, что на сторону продать и чем князю за защиту заплатить.

Мимо Нарвской крепости не рискнул пройти без остановки. Если не навещу Изяслава, обида будет такая, что мне тут потом лучше не показываться. Поэтому пришлось причаливать. За это время крепостные стены из деревянных превратились в каменные. Кое-какие башни ещё не достроили, но вид с реки у крепости был внушительный. Твёрдый орешек получился, и место для города было выбрано удачно. Грамотно предки выбирали, с головой. А я повторил, пригодился чужой опыт. Выбрали местечко у причала, подошли тихо на вёслах, притёрлись мягко к привальному бревну. Сколько раз я собирался придумать вязать транцы из канатов, но так и не придумал, то одно, то другое отвлекало, сбивало, так и не вышло ничего. Надо сейчас не упустить такой возможности. Пока причаливали, постарался изложить Бивою эту идею. Заинтересовался, значит, будет толк. Пора высаживаться, сходни с борта на причал уже

перебросили. Придерживая супругу за руку, осторожно перебрался на берег. Подхватил испуганно вцепившуюся в руку жену:

– Что, земля под ногами закачалась? Сейчас пройдёт.

Даже Будимир показался, похоже, решил с нами прогуляться, посмотреть, что и как в крепости творится. Всю дорогу из своей каютки не показывался, что уж он там делал, не знаю, только еду да питьё ему своевременно носили. Отсыпался, наверное, а может, от качки страдал. Хотя вряд ли, волхв всё-таки, умеет свой организм контролировать.

Утвердились на причале, дождались, пока все, кому необходимо, сойдут на берег. По широкой наезженной и натопанной дороге пошли к воротам.

Бивой подсуетился – вперёд шустро убежал матрос, предупредить Изяслава. За ним было Громчик припустил, да я сразу же рывкнул на него, приказал рядом идти. Мало ли что может быть? Для оповещения и человечка хватит. Другой причины посылать в крепость вестника не вижу. Поймал взглядом глаза кормчего, нахмурил брови. В ответ получил недоумённое пожатие плечами и абсолютно честный взгляд. Ну и ладно. Отвык от такого за прошедший для меня год, неудобно. Хотя что тут неудобного, время такое, а неудобно сами знаете, что делать.

Повторилась точно такая же встреча, что и в Старой Ладоге, только тут нас встретили ещё в воротах. Изяслав разогнал ждущих своей очереди на въезд в город каких-то тележников, рыкнул на стражников, лениво перебрёхивающихся с обозниками, и, увидев меня, даже замер на какое-то мгновение. Потом подлетел, облапил в медвежьих объятиях. Традиция, однако. Отпустил закричавшего меня, взгляделся неверяще в лицо. Приятно до слёз. Даже Грома за уши потягал. Легонько. Не обиделся Гром, вспомнил, видать, сотника. Внимательно всмотрелся в лицо моей спутницы, кивнул чему-то своему, поклонился низко. Дальше и рассказывать нечего, всё и так понятно. Но пришлось в гостях задержаться, заново перезнакомиться с семейством посадника, с детишками, коих было уже трое, посидеть до позднего вечера за обильным столом, омыться слегка в баньке. Париться не стали, после обильного стола как-то не с руки. Надо было сразу идти, да не получилось, как-то не до того было, расспросы навалились, слишком много радости вокруг.

Переночевали, а утром отправились дальше. Провожало нас всё семейство бывшего десятника, который столько сделал для меня в этой жизни. Или в той? Как вернее? Да какая, в принципе, разница! Ну и я ему помог, немного, по мере сил. А как иначе?

Медленно поднимались по реке, провожая взглядами малюсенькие фигурки на оставшемся далеко за кормой причале. Вот и всё, скрылась за поворотом каменная крепость. А хорошо расстроился город, раскинулся вольготно на крутом берегу. Рассказал жене, как закладывали первые бревенчатые стены, как договаривались с местными, как появились первые рубленые домишки вокруг строящегося города. Полтора десятка лет минуло, и места не узнать. Видно, что строительство не утихает, доносит налетающий ветер смолистый запах ошкуренных сосновых брёвен, свежего ломаного бутового камня, да и звуки стройки в городе слышны. Но чисто на просторных улицах, следит Изяслав за порядком. Пока шли к детинцу, заметил, как возчики даже за своими лошадьми сразу убирают, если те успели кучу добра навалить. Это правильно, не в европах, чай, живём, где по улицам из-за грязи пройти в чистой обуви невозможно.

Переживал за пороги, река-то заметно обмелела, но, как оказалось, за это время на берегу выросло несколько поселений, взявших на себя доходный промысел на волоках. Бивой просветил – это раньше тут никто не селился, всё равно бы пожгли варяги, а теперь спокойно, почему бы не работать. Место выгодное. Судов много проходит. Вот и нас быстренько перетянули. Выгрузились на берег, прошли не спеша вдоль реки по натопанной тропе, благо за эти годы здесь успели хорошую дорогу набить. Даже все деревья в округе вырубил – на костры, похоже, и на брёвна для волока. Пока дошли, наш струг уже перетянули. Быстро.

– Это с баржами приходится помучиться, а со стругами и ладьями быстро получается. Загруженная баржа тяжело идёт, приходится катки из брёвен иной раз подкладывать.

– Выдерживают корпуса? А как же мы раньше проходили? – разговорились с Бивоем по дороге.

– Забыл? Вспомни – разгружались, если воды было мало. А как лодьи на руках проносили, тоже забыл? А баржи у нас крепкие, да и осадка у них меньше, чем у струга, даже когда полностью загружена. Всё ты, боярин, забыл за это время.

– Забыл. Веришь ли, забыл. Столько таких волоков было пройдено!

– Ничего. В основном струги легко проходят через пороги. Даже небольшой дождик выручает. Главное, знать нужный проход. Это в засуху плохо, мелеет река. Хочу спросить тебя, ответишь ли?

– Давно бы спросил. В чём вопрос?

– Ты к нам надолго? А то, может, опять уедешь?

– А что такое?

– Да... – замаялся Бивой. – Как тебе сказать? Ты уехал, и скучно у нас стало. Тиной обросли, сидим безвылазно на берегу, редко когда по знакомому пути иной раз пройдем, и это за счастье. А с тобой, боярин, куда мы только не ходили, даже за Варяжское море выбирались.

– Посмотрим. Пока ничего обещать не буду, но куда-нибудь да сходим. Не горюю.

Вроде как радоваться нужно спокойной жизни, а не получается у людей просто жить. Привыкли жить по-другому, на подъёме. Что ж мы за народ такой, что нам на месте не сидится? Обязательно нам нужно приключения на свою пятую точку найти?

Два дня еле ползли. По крайней мере, так мне казалось, хотя ветер не поменялся, так же упруго раздувал паруса, а струг так же ходко резал тёмные воды Чудского озера. Супруга понимала моё волнение, как могла, отвлекала внимание, даже Будимира попыталась к этому делу подключить, но ничего из этой затеи не вышло. Волхв так и не показывался из своей каюты. Что уж он там делал, чем занимался, неизвестно, может, с богами общался, не знаю.

Вот и Псков! А привольно раскинулся на оба берега город, уже перебрался на левый берег реки Великой несколькими рядами небольших ладных домиков. Кто бы раньше о таком мог подумать? Только сейчас поверил в спокойную жизнь горожан, глядя, как начинает обживаться противоположный Кромю берег.

Тихо на реке, не слышно гомона людского, даже звона кузниц до меня не доносится, может, уши от волнения заложило?

Проскользнули устье речки Псковы, и вот она, знакомая до боли пристань моей крепости. К городской приставать не стали, слишком много там рыбачьих баркасов стоит, и толпа народа на берегу. Рыбный торг кипит, только теперь донеслась до ушей разногласия людского гомона. Автоматически вглядывался в мелькающие лица на берегу, неосознанно пытаюсь высмотреть знакомых, но никого не увидел. Замечал и несколько вскользь брошенных взглядов на наш струг, но эти любопытствующие сразу же отвлекались на что-то более значимое для себя, чем проходящий мимо торгового корабля.

– А вот и мои стены. Ну, те, которые по моему проекту построили... – тихонько проговорил на ушко прижавшейся к боку супруги. Тоже волнуется вместе со мной. Вдвоём легче. – Как разросся город, раньше здесь голое поле было!

Ничего не ответила, только прижалась крепче да ладошку под руку подсунула. Стоим, обнявшись, ждём, пока причалим да матросики сходи перебросят на берег.

Стукнувшись бортами о неплотно стоящие суда и растолкав их, погасили ход и остановились, умудрившись втиснуться между ладьей и ещё одним таким же стругом. Быстро закрепив на причале швартовые канаты, оба морячка рванулись вдоль берега к распахнутым воротам крепости. Понятно, это Бивой послал гонцов Головню предупредить. Всё правильно, вот и посмот-

рим, как меня встретят. Сразу понятно будет, к месту я тут или зря вернулся? Будимир наконец-то на палубе показался, подошёл, оглаживая свою длинную бороду.

– Что замер? Страшно? Пошли, чего уж тут. Не выгонят, не бойся. Я с тобой.

И пошёл вперёд, подавая пример. Замер рядышком Бивой, смотрит вопросительно. А мне, действительно, страшновато. Для меня только год прошёл, а для них тут за это время полжизни пролетело. Может, лучше сначала к князю? Там хоть где-то разместят, а тут? Наверняка мои хоромы давно заняты. Да не наверняка, а точно.

– Боярин? – вопросительно поклонился кормщик.

– Пошли уже, а? Чему быть, того не миновать. Найдём себе, если что, и угол для жилья, и занятие. Вернуться домой, по крайней мере, всегда сможем. Смотри, как Гром в ворота унёсся. Пойдём? А то ещё покусает кого-нибудь там.

– Пошли. Просто волнуюсь немножко. А то, что Гром кого-нибудь покусает, так пусть. Просто так никого не укусит, а если и цапнет, то за дело.

Остановился на сходнях, чуть пружинящих подо мной, вслушался в звонкий лай моей собаки за стенами и поднявшийся в ответ ему разноголосый переполох среди местных псов. Надо поспешать, псарня у нас была хорошая, ещё порвут мою собаку. Столько времени прошло, забыли наверняка.

Поднял взгляд на знакомые стены, башни, вернулся к воротам, наблюдая, как бежит кто-то в нашу сторону. Вгляделся, зрение услужливо приблизило бегущего. Головня.

Помог супруге сойти на берег, сделал навстречу бегущему старому товарищу несколько широких шагов, больше не успел. Раскинул руки в стороны, шагнул к резко затормозившему передо мной старшине, неверяще глядящему на меня во все глаза с какой-то неопишуемой смесью радостного удивления и восторга на смуглом морщинистом лице.

– Здравствуй, друг мой! – шагнул ещё раз, отмечая, как тот шагает навстречу сначала мелким шажком, а потом одним длинным движением преодолевает оставшееся между нами расстояние и крепко обнимает меня.

– Боярин. Вернулся. А мы уже и не ждали.

– Что ты, дурень, языком своим бестолковым треплешь. Ещё как ждали, не переставали надеяться, что когда-нибудь снова увидим!

Моргнул, сквозь непроизвольно выступившие слёзы увидел, как за спиной Головни быстро собирается набегающий из крепости народ, как протискивается вперёд, расталкивая людей, Любава, выговаривая своему мужу за глупые слова, как всё громче и громче становится возбуждённый гул толпы вокруг, как вносит свою долю шума звонким лаем радостно скачущий Гром. А потом меня просто разорвали на много маленьких Владимиров. Со всех сторон протягивались руки, тянули за одежду, которая быстро пришла в плачевное состояние. Спасли меня, опять же, Головня и Бивой, отбившие толпу в сторону. Понятно, это моя супруга поставилась, заступилась вовремя.

– Вы что творите? Не успел боярин вернуться, а вы его обратно отправить хотите? Посмотрит он на такую встречу, подумает, что лучше от вас подальше держаться, чтобы уцелеть, да и опять уедет надолго. Ишь, набросились, окаянные, ну-ка отошли все назад! Успеете ещё насмотреться! – тут же правильно сориентировалась Любава, начала лихо командовать.

Как ни тянули меня настойчиво в терем, а пришлось это дело немного отложить. Всё-таки для начала необходимо в Кроме объявиться, Трувору представиться. И супругу свою, пожалуй, возьму с собой. Сразу же и нескольких зайцев убью. Самое главное, так мне легче будет объявиться перед князем, ну и заодно всех познакомлю со своей половинкой, легализую жену в обществе, так сказать. А вообще, что уж скрывать, пока отвлечётся внимание на супругу, я хоть осмотрюсь, хоть немного узнаю, чем сейчас в Кроме дышат. Столько лет пролетело, люди за мгновение меняются, а тут...

Ну, что сказать? Моё появление вызвало достаточно неоднозначную реакцию в городе. Теперь понимаю, почему Будимир всю дорогу скрывался в своей каюте. Пока мы приходили в себя после перехода в лесном храме и не касались пристально этих вопросов, всё было хорошо. А вот когда дело подошло к нашему появлению на берегах Великой реки, тогда он и спрятался. Хотя, может, не хотел нашего первого впечатления сбивать? Не знаю. А впечатление далеко не однозначное.

Начнём с того, что нас довольно-таки вежливо остановили в воротах, разоружили, правда, тоже вежливо, и почти под конвоем сопроводили к детинцу. Никто не встречал на крыльце, молча завели в терем, миновали большой общий зал и провели в небольшую комнату на первом этаже. Разрешили присесть на лавочку у стены и оставили в покое. Попытался открыть дверь, но с той стороны знакомо рыкнули: «Не положено». Хорошо ещё, что Грома оставил у Головни на всякий случай, и, как оказалось, правильно сделал. Что ж, подождём. Рано или поздно, а узнаем причину такого приёма. Постарался успокоить супругу, отвлекая разговором и вспоминая увиденное по дороге в княжеский терем. Расстроился город, выросли стены и башни, стали толще. На улочках появились дома в два поверха, даже встречались сложенные полностью из кирпича. Люди, по крайней мере те, кто попадался навстречу, не казались бедными и несчастными, а, наоборот, выглядели хорошо и богато. Одежка радовала глаз разноцветьем. На нас косились с любопытством, какого-то узнавания в глазах не мелькало. Что, впрочем, не удивительно, столько лет минуло, да и население выросло значительно, судя по тому, как привольно раскинулся город. Нет старых знакомых, а память людская коротка. Жаль, конечно, что сразу же после того, как струг причалил, Будимир незаметно в шуме встречи куда-то пропал. Помог бы сейчас.

– Может, зря мы сюда пошли? Надо было сначала всю обстановку в городе разузнать, – шепнула мне на ухо жена. – Прикончат нас сейчас.

– Посмотрим. Может, и вправду не надо было спешить. Обрадовался я сильно, мозги совсем этой встречей отбило. Ведь думали же, что не стоит торопиться, так нет, всё из головы вылетело.

– Ну, может, обойдётся ещё?

– Посмотрим. Затянул тебя...

– Ничего. Зато вместе.

Скрипнула дверь, потянуло сквознячком. Наклонив голову, чтобы не зацепить притолоку, через порог переступил мой старый знакомец. Как бы останавливая мой возможный порыв, выставил вперёд ладонь в тормозящем жесте. Да я и не собирался никуда дёргаться, ещё чего не хватало, после такой-то встречи. Теперь уж точно надо мне быть осторожнее.

– Доложили мне, что ты себя за боярина Владимира выдаёшь. Так ли это?

– Раньше ты сразу на дыбу предлагал. Что теперь-то изменилось? – посмотрел в глаза вошедшему, не вставая с лавки.

– Ты отвечай, дыба от тебя никуда не денется. А так, глядишь, и не придётся тебе кости ломать. Хотя всё-таки придётся, больно уж ты смел, и язык у тебя остёр, надо бы его укоротить.

Приобнял жену, стараясь хоть этим немного её успокоить, а то даже побледнела моя милая. Свободной рукой сгрёб пальцами маленькие узкие ладошки, сжал легонечко, отпустил, поднялся на ноги, выпрямился, глянул прямо в глаза допросчику:

– Или ты меня не узнал, Горивой, или какую-то игру затеял. Не стоило мне возвращаться?

– Это кто с тобой? – ушёл от ответа безопасник.

– Жена моя. Будимир был?

– Был. Очень интересные истории рассказывал. Прямо сказки. Говорит, Владимир объявился. И ничуть за эти годы не изменился, таким же остался, как был. Не поверили мы, что такое может быть, теперь вот смотрю и глазам своим не верю. Не бывает такого. Если бы не заступничество волхва, сейчас с тобой по-другому разговаривали бы.

– Ты же знаешь, что боги мне благоволят. Поэтому и не изменился.

– Знаю. Интересная отговорка, главное, нужная. К месту. Может, и впрямь тебя калёным железом за мягкое подержать? Что скажешь?

– Я и забыл, что ты по этому делу большой любитель. Ну, поддержи, если очень хочется. Штаны снять, или так сойдёт?

Не знаю, кто громче зашипел на мои слова, Горивой или моя супруга. Но досталось мне за высказанное от обоих. От любимой подзатыльник и обещание потом поговорить и добавить, а вот от Горивоя чуть было не поймал жёсткую плюху. Хорошо, что жена со своим подзатыльником опередила, голова в сторону дёрнулась, и кулак безопасника мимо просвистел. Да ещё и опешил сильно Горивой, когда увидел такую быструю расправу супруги надо мной, вот и промедлил миг, растерялся.

– Тогда только дыба и остаётся. Ступайте впереди.

Посторонился, пропуская нас вперёд. Чуть притормозил, проходя мимо, мелькнула мысль ещё и врезать напоследок от души старому товарищу, пока есть такая возможность, да, видимо, всё у меня на лице написано было, потому как ещё дальше к стеночке отстранился безопасник и руку в предостережении выставил.

– Ну-ну, ступай без глупостей. А то сам потом не рад будешь.

– Никуда мы не пойдём! Какая ещё дыба? Если мой муж зря сюда пришёл, тогда так и скажите. Нам от вас ничего не нужно. Отпускайте нас, мы домой уедем! – решила взять ситуацию в свои руки жена. Обогнала меня, встала в дверях, руки расставила. – Не пуцу! Ишь, что придумали!

Горивой растерялся. За спиной жены в проёме двери возникли стражники и затоптались, не зная, что делать.

– Жену тронете, с того света достану! – прошипел в глаза бывшему побратиму. – И лучше бы тебе нас отпустить. В крепости меня друзья встретили, смуты не боишься?

– С этого места всё без утайки рассказывай!

– Хватит, Горивой! Оставь! Видно же, что Владимир это. Не скоморошничай! – знакомый властный голос сбоку пробудил старые воспоминания. Известный мне голос, княжеский. – И ты нас прости за эти сомнения. Будимиру, конечно, верим, но и самим правду знать нужно. А вдруг подсыл ты, похожий на боярина?

– Вы, братцы, головой-то хоть иногда думаете? Перун со мной в храме ладожском при волхве разговоры вёл, и вы ещё сомневаетесь в словах верховного?

– Сам знаешь, всяко в этой жизни бывает. Так что за проверку прости и зла на нас не держи. А теперь все успокоились, обиды пустяковые забыли, и все ступайте за мной в горницу.

– Пустяковые? Я тут чуть не поседела! А вы говорите, пустяковые? – начала было распалаться моя супруга.

– А что тут такого? Конечно, пустяковые, никакого внимания не сто́ят. На дыбу ведь вас не потащили? И урона чести не нанесли, ведь так? Так! И что же вы тогда так взвились?

– Ладно, Танечка, не шуми. Тут это в порядке вещей. Презумпцию ещё не придумали.

Подхватил под локоток пышущую праведным гневом супругу, напоследок глянул обещающе на Горивоя и потянул жену в коридор.

– Пойдём мы, пожалуй, к Головне. Остыть всем надо, не до разговоров. Отпускаешь нас, княже?

– Ступайте. Обиды не держи.

Да ладно, какие обиды? Что я, не понимаю, какие тут игры ведутся? Не прибили сразу, и на том спасибо. Приём неожиданный, хотя вполне возможный. Теперь бы узнать, почему он именно таким оказался. Узнаем, если до своей крепости живыми дойдём. Или уже не до своей? Какого хрена я жену сюда сразу потащил? Надо было её потом, после того, как тут всё разузнаю, с собой брать. Если бы она меня ещё и послушала при этом. Размечтался.

Вышли на крыльцо, позади тишина, ни одна половица не скрипнет. И железо, к счастью, не брякает. Прошли через безлюдный Кром, через ворота мимо замерших и не шелохнувшихся стражей, забрали с лавки свои вещи, вышли на дорогу к крепости. Лопатки сводит от прицельного взгляда в спину. Дойдём или нет? Подтолкнул вперёд супругу, прикрыл собой, так, на всякий случай. Понимаю, что ерунда, если что, ничто не спасёт, но тем не менее хоть что-то от меня зависящее сделал. Скорее бы стены.

Вот и мои ворота. Мои ли? Вздохнул облегчённо, на таком расстоянии уже не добьют, можно выдохнуть и пот утереть. Друзья мои встречают, ждут в тени арочного проёма, когда подойдём, собака только вывернулась из-под ног и к нам бросилась. Ну, хоть кто-то за нас.

Глава 4

Моя прежняя комната с камином так и дожидалась меня все эти годы. Друзья решили её не занимать, верили в моё возвращение. Супруга умаялась, переживания прошедшего дня вымотали полностью, и сейчас она тихонько сопела мне в плечо, крепко сцепившись в него же пальцами. А я уснуть так и не смог. Тихонько лежал, вслушиваясь в еле слышные шорохи ночного терема. То скрипнет какая-нибудь половица, облегчённо вздыхая и выпрямляясь после суматошной дневной нагрузки, то щёлкнет, остывая после жаркого солнышка, крепкое бревно наружной стены. Дышит деревянный дом словно живой, вздыхает устало, утомлённый вчерашней встречей. Ещё бы ему не вздыхать, столько народу никогда ещё не набивалось в эти стены. Все, кто чувствовал себя моими друзьями, товарищами и просто хорошо ко мне относился, все пришли порадоваться моему возвращению. Каждый хотел выразить своё уважение. Почему? Об этом чётко сказал Головня, когда мы сели за накрытые праздничные столы. Нынешний глава поднялся, оглядывая всех присутствующих, заставляя своим взглядом замолкнуть особо болтливые языки, дождался полной тишины:

– Смотри, боярин, сколько людей пришли тебе своё уважение выказать. Многие верили, что вернёшься ты к нам, не бросишь своих друзей и товарищей. Потому решили и горницу твою не занимать, оставили всё в ней так, как при тебе было, ждали твоего возвращения. Помнишь, как пришли на это место, когда здесь не было ничего, кроме деревьев лесных и зарослей дремучих? Сколько нас было? Пятеро. А сейчас сколько стало? И всё благодаря нашему боярину. Если бы он не уговорил меня поехать сюда, не стал бы я главой, не имел бы столько новых и нужных знаний, а так и сидел бы в своём поселении, ковал бы в маленькой кузнице на дальнем выселке свои поделки и не знал бы другой жизни. Хорошо это или плохо? Думается мне, что хорошо! – помолчал миг, глядясь во внимательно слушающие лица людей, и продолжил, улыбаясь своим мыслям: – И я такой не один. Все, кто поверил тебе и пошёл за тобой, все чего-то добились в новой жизни. Большого достатка, большего уважения и положения, новых знаний и нового мастерства. Всё, что у нас есть, это мы получили благодаря тебе и, само собой разумеется, нашим собственным стараниям. Только все вместе мы смогли отбиться от пришедших варягов, устоять перед нападением новгородцев. Только общими усилиями построили новые лодии, открыли торговые пути, урядились с купцами и торговцами в других поселениях и городах. Начали принимать к себе многих переселенцев, потянулись в крепость, а потом и в город новые семьи, пошёл слух о крепком граде по всей земле. А сколько людей выкупили из рабства? Сколько мастеров пришло к нам из дальнего похода к хазарам? Многие осели в городе, но и у нас появились тогда новые люди, которые за эти прошедшие годы стали полноправными членами нашего малого городища, обзавелись семьями и нарожали детишек. Вот чего мы смогли добиться все вместе. Посмотрите на новые храмы, школы и училища, где учатся наши дети, разве можно было о таком подумать раньше? Нельзя. Так что спасибо тебе, боярин, за нашу жизнь, спасибо всем нам за то, что держимся твёрдо на этой земле.

Пришлось и мне держать ответную речь. Но я отделался всего несколькими словами, очень уж не по себе было от всего здесь происходящего, поэтому недолго я сидел за столами, быстро сослался на сильную усталость после путешествия и смотался. Пиршество скоро закончилось, у людей не было привычки засиживаться допоздна, а с моим уходом и остальные потихоньку потянулись к выходу.

За столом остались лишь самые приближённые ко мне люди, те, с кем я прошёл и огонь, и воду, и медные трубы. Вот с ними и завязался долгий и трудный разговор, когда я вернулся в горницу, уверившись в том, что все гости разошлись. Сели за отдельный стол. Посидели несколько мгновений тихо, глядясь в лица друг друга. Рядом с Головнёй сидела Любава, его жена, самый главный наш хозяйственник в крепости. Дальше на лавке теснились Еленя и

Жарко, мои первые ученики, умелые и старательные ребята, впитывавшие новые знания как губки и быстро ставшие мастерами. Стояна только не было. Вот он как раз и руководил кирпичным производством в Черёхе. Некому было его предупредить о моём возвращении, так бы обязательно приехал бы. Дальше сидели плотник Истома с женой Миленой, поверившие мне и приехавшие вслед за нами из Опочки, куда я провалился во времени в первый раз. Не было ни Изяслава, сейчас посадничающего в Нарве, ни Мстиши с товарищами, переведённых в казармы Крома.

Пока меня не было, в общем-то ничего серьёзного не происходило. Повседневная рутина. Уклад оставался прежним, Совет исправно работал. Люди начали привыкать к мирной и спокойной жизни. Коснулся осторожно и причин сегодняшнего непонятного приёма у Трувора. Никто не смог сказать ничего определённого. Всё вокруг было по-прежнему, по-старому. С одним только уточнением. Крепость, или малое городище, полностью подчинялась городскому Совету с князем во главе. Даже всех служивых людей перевели в городские казармы, оставили в крепости только немного охраны для северо-восточных ворот, за которыми так пока никто и не построился. Городские стены сомкнулись с нашими, мы теперь вроде и в городе, а вроде и на окраине. Даже монетный двор отсюда убрали, перевели в Кром. А мастерские как работали, так и работают. Лесопилки и верфи трудятся не покладая рук. Вспомнил и про кирпичные мастерские на реке Черёхе. Тоже продолжают работать, только разрослись здорово, приросли жилыми домишками. Теперь там небольшое поселение образовалось.

Сидели, разговаривали обо всём, как это бывает, когда одно воспоминание тут же срывает лавину следующих, пока нас не потревожили. Поднял голову Гром, насторожил уши, вслушиваясь во что-то слышное лишь ему, глянул на меня вопросительно. Переглянулся с друзьями, ладошка супруги скользнула в мою, сжала пальцы. Я уже успел поделиться своими сомнениями с друзьями по поводу сегодняшней встречи в Кrome, поэтому все резко замолчали. Сразу же по возвращении от князя мы с супругой заспорили, что нам делать после такой встречи. Рисковать и оставаться, пытаюсь разобраться в происходящем, или удрать назад, в будущее? Так и не пришли ни к какому определённому решению. Решили пока задержаться. Только вот всё своё оружие держали при себе. Понимаю, что от него мало толку против местных умельцев, но с ним как-то спокойнее. Вот и сейчас не успела заскрипеть тихонько открываемая дверь, а я уже держал в руках оба своих арбалета, заряженных и направленных в открывающийся проём. Зарычал Гром, поднимаясь на лапы, встопорщил шерсть на загривке, чуя мою тревогу и опасение.

– Вы там с перепугу не выстрелите? – знакомый голос князя заставил и напрячься, и одновременно расслабиться. Хоть какая-то определённость наступает. А то от этих непоняток мозги сплывались.

– Зайти-то можно? – не дождавшись ответа, задал новый вопрос.

– Боярин, ты погоди, не спеши. Может, сначала узнаем, зачем он к тебе пришёл? – неприкрытая тревога в глазах Головни заставила расслабить руки и опустить арбалеты под стол. Но разряжать не буду. Пока. Тревога же мастера понятна. Наверняка князь не один в гости пришёл. Хотя в гости по ночам, да ещё и без приглашения ходят или очень близкие люди, или, наоборот, явные враги. Вот сейчас и узнаем, к кому относятся стоящие на крыльце люди. И какого чёрта я жену с собой потащил?

– Двери не заперты, заходите.

Первым порог переступил Трувор. Не обращая никакого внимания на наши напряжённые лица, на установившуюся в зале тишину, прошёл к столу, хлопнул по плечу сидящего напротив меня Истома, вынуждая того подвинуться в сторону, и уселся на лавку, заставив ту заскрипеть жалобно под его весом. А железа-то, железа сколько на князе надето, опасается меня? Вот сейчас и узнаю. Перевёл взгляд за спину ночного гостя, кто там ещё? Понятно, как же без Горивоя. Без него ни одна гадость не обходится. А вот дальше порог переступила Ива, заставив

меня растеряться, и совсем уже добила княгиня, входя вслед за нашей травницей в освещённую светильниками залу.

Что происходит? Где-то я в чём-то ошибся, не так понял произошедшее? Иначе никак не объяснить присутствие здесь княгини и супруги Горивоя. Получается, встреча в Кроме была спектаклем? А настоящая происходит сейчас, в этом помещении? Заметались, сталкиваясь между собой, в голове мысли, вызывая чувство неразберихи и растерянности.

Последним в двери вошёл Мстиша, плотно закрывая их за собой. Повернулся, улыбнулся подбадривающе, подмигнул и остался на месте, закрывая широкой спиной входной проём.

– Ты уж извини, что без приглашения заявились, да от тебя его не дождёшься. Обиделся, что ли? – разорвал наступившую тишину Трувор.

– Да нет. Скорее, не понял пока ничего. Вот и сижу в полной растерянности, гадаю, что дальше делать.

– И что решил?

– Пока ничего. Не хватает информации для принятия решения.

– Непонятно сказал, но догадываюсь, о чём ты. Потому и пришёл, что надо поговорить, да так, чтобы никто из посторонних ушей не услышал. Поэтому извини, но лучше будет, если все, кроме тебя, по домам разойдутся. Без обид.

– Обид никаких быть не может. По крайней мере, до того, пока я полный расклад происходящих дел не узнаю. Хотя есть одно возражение. Сейчас в этом помещении посторонних нет. Это всё мои друзья.

– Вот и славно, что понимаешь. И я не против твоих друзей, которых тоже знаю очень давно, и причин им не доверять никаких не вижу. Но... – замялся на миг. – Дело тут такое, что... Лучше будет, если наедине его обсудить. Так что подождём, пока твои друзья нас оставят.

Давно затворили двери после покинувших нас в полном молчании моих товарищей, а пауза всё тянулась. Трувор сидел, вперившись взглядом в столешницу, периодически хмуря густые чёрные брови и тяжело при этом вздыхая. Пару раз порывался начать разговор, но ловил предостерегающий взгляд Горивоя.

Что ж, подождём.

Наконец, рука княгини протянулась над столом и легла на смуглую от загара и ветра руку князя, заставив того вздрогнуть и прийти в себя.

– Что? А? Задумался, – опять на короткий миг замолчал, пристально вглядываясь мне в лицо, стараясь рассмотреть что-то только одному ему понятное, тяжело вздохнул, как будто на что-то решаясь, и выдохнул: – Убить нас хотят.

– Кто? – недоумённо и в то же время недоверчиво вырвалось у меня. – Зачем? Смысла же нет, да и никому это не нужно.

– Как оказалось, нужно. Ты, похоже, не услышал меня. Я сказал, что не меня одного убить хотят, а нас двоих. То есть уже троих, – смутившись от собственной оплошки, даже вроде немного покраснев, извиняясь, посмотрел на княгиню.

– Та-ак, – протянул я. – Кажется, я начинаю понимать, в чём тут дело, где собака зарыта. Но лучше будет, если ты мне с самого начала всё расскажешь.

– Лучше Горивой расскажет. А я потом продолжу.

Взгляды всех сидящих скрестились на безопаснике. Тот побряхтел, положил руки на стол, брякнув взведённым маленьким арбалетом.

– У тебя совсем крыша поехала? – удивился, а потом и возмущился я, сдвигаясь в сторону от направленного прямо в грудь болта с острым стальным наконечником. Который, кстати, бронебойный, то есть предназначен для пробивания брони. Рядом ойкнула супруга, прижалась боком.

– Ты погоди, не ругайся, послушай сначала. Тут дело вот в чём. Очень уж ты вовремя объявился, как раз тогда, когда и начались все эти попытки и покушения. Да ещё и на себя не похож. Нет, на себя-то как раз очень похож, на того, давнего. Да вот только совсем ты не изменился за эти годы, а так не бывает. Значит, может быть и такое, что ты подставной. Это не трудно, подобрать похожего человека, сам об этом знаешь и мне такое не раз рассказывал. Так вот, началось это несколько зим назад. Сначала стража задержала подозрительного человечка, прибывшего в наш город с купцами. Как мы работать умеем, ты знаешь, вместе службу создавали, так вот, обратили внимание на него, потому что начал он крутиться вокруг княжеского терема. Вход в Кром тогда был свободный, проходи кому не лень, сам помнить должен. Раз заметили, второй, третий, присмотрелись осторожно, посмотрели, как живёт и чем дышит. А потом решили не тянуть и взять его при входе в своё жилище. Почему? Да потому что обнаружили яд у него, а тут тянуть, сам понимаешь, никак нельзя было. Мало ли успел бы сговориться с кем и зелье своё подсыпать, да хоть на кухню, или на торге, в закупаемую еду. А потом расспросили дотошно, только вот не пережил он наших расспросов.

Как потом оказалось, очень жаль, что поспешили мы радоваться, надо было подлечить татя. На следующую весну повторилась попытка, только мы уже готовы были, так, на всякий случай. А князь до сих пор под одеждой броню носит, вроде той жилетки, что ты тогда придумал. От болта она не уберёжёт, конечно, да ты её и не для того придумал, а вот от ножа запросто. Вот она и уберегла.

Пробрался татя в терем княжеский, как уж упустили, моя вина, да только упустили. Опытный был, зараза. Если бы не жилет... Да и то, уберегли стальные пластинки, перенаправили удар в сторону. Скользнул нож по ним, одежду распорол. Помнишь, как тебя когда-то давно точно так же в Данциге порезали? Тогда тебя от ночных татей только такая же жилетка и спасла. Отделался распоротым боком и испугом. И здесь так же получилось. А живьём взять татя не смогли. Наш князюшка ему сразу же шею и свернул.

– А как мне было не свернуть? Испугался немного, растерялся, вот руки сами свою работу и сделали. Потом только сообразил, что погорячился, да поздно уже стало. Не доводит до добра мирная жизнь, расслабляет, изнеживает. Да и испугался я за княгиню и сына.

– Да. Так и идут с тех пор тати за жизнью князя непрерывным потоком. Сначала каждую новую весну, потом и летом и осенью приходиться стали. По первости мы их на рубежах перенимали, а потом они, видимо, поумнели и стали уже только в городе объявляться. Чего только не придумывают, разбойники. Если бы за этим не стояла жизнь княжеской семьи, то было бы даже интересно.

– Вот и про тебя так подумали. Что очередной подсыл ты. Потому так и приняли, несмотря на все заверения волхва. Сам же говорил, доверяй, но проверяй. Вот мы и проверили. Потому ты зла на нас не держи! – закончил за Горивоя Трувор.

– С одной стороны, понимаю. А с другой... Не знаю... Ваше право, вам виднее. Не ожидал я такого приёма, вот и опешил. А Будимир ничего мне не рассказывал. Тишь да гладь, говорил.

– А он и не знает. И никто всего не знает. Да и зачем кому-то ещё всё знать?

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил, обкатывая в голове услышанные новости.

Пока я раздумывал, Трувор поухаживал за княгиней, заодно подлив взвара и моей супруге, сидевшей тихо и только лишь переводившей глаза с одного рассказчика на другого.

– А что вам эти наёмники рассказали?

– Что рассказали? Хм-м. Ты помнишь, откуда жену мне привёз? Кто она? Киваешь, это хорошо. Тогда должен помнить, что она последняя из Каролингов, и корона герцогская ей принадлежит по праву. Да и не только герцогская. Можно и на королевскую претендовать. Если сил хватит, конечно. А там скоро новый король на трон взойти должен. Вот кто-то и решил убрать возможного конкурента и подослал убийц. Это если коротко рассказывать.

– Ну, приблизительно так я и думал. Других вариантов просто не видно. И что вы в ответ делаете?

– А ничего. Отлавливаем их, и всё. Что ещё?

– Что, всю жизнь так и будете отлавливать? А если кого-то пропустите? Да и так жить – это не жить. И ладно бы ты сам, а о жене своей подумал? Ей каково? А сыну?

Поймал благодарный взгляд княгини, кивнул понимающе.

– Надо во Францию плыть и там, на месте, с этой проблемой разбираться! – выпалила одним духом моя жена.

Ух ты, возмущена-то как.

– Что? Мало того что они нам в нашем времени спокойно жить не дают, так ещё и тут достают! – сверкнула глазами, оправдываясь. – Муж рассказывал, что сил у вас хватит, чтобы с этой проблемой раз и навсегда разобраться. Заодно и другим желающим охоту отобьём. Скоро меченосцы полезут на Русь, так почему бы и их заодно не окоротить?

– Молодец! Я своему мужу то же самое говорю. Только не слушает он меня, всё ждёт чего-то. Может, того, когда нас зарезать смогут? – подхватила слова моей разгорячившейся супруги княгиня, точно так же покрасневшись и сверкая глазами. Два сапога пара.

– Когда сговориться-то успели? Вроде же не знакомы? – попытался перевести всё в шутку Трувор.

А я сидел, переглядываясь с Горивоем, просчитывая в голове возможные варианты действий. Правы наши женщины, не оставят нас в покое, пока не изведут. Да и потом не оставят. Значит, что? Надо действовать самим, да так, чтобы надолго охоту лезть на восток отбить у всех желающих. Осталось уточнить кое-что у князя с княгиней.

– А вам точно корона герцогская не нужна?

Мне даже и отвечать не стали, только оба возмущённо зыркнули глазами.

– Понял. Вам не нужна. А детям вашим?

Задумались. Оба. Трувор посмотрел на супругу, как бы приглашая её высказаться первой.

– Делать там нечего. Будет и здесь что наследовать. Или нет?

Теперь уже княгиня вопросительно-требовательно сверкнула глазами на мужа. Ох!

– Будет, будет! – поспешил тут же успокоить разгневанную супругу князь. Потом повернулся к моей жене. – Только не у вас, а у нас всех сил хватит. Так оно вернее будет. Не надо разделять.

И продолжил, обращаясь к нам обоим:

– Вы же понимаете, что оставлять твоё войско в крепости было неразумным? Вижу, понимаете. И мастеров я тогда почти всех в городе оставил, вам и своих хватало. Но и за ними пришлось присмотреть. Всё равно дело общее делаем. Про тебя же сказали, что ты домой уехал. А насколько уехал, никто не знает. Может, навсегда? Поэтому и нельзя было такой лакомый кусок оставлять без присмотра, сам должен понимать. Теперь ты вернулся. Твоя очередь рассказывать: для чего?

– Знаете, что самое интересное, друзья мои? Надеюсь, я могу вас по-прежнему так называть? – дождался утвердительных кивков и продолжил: – Это у вас тут прошло столько лет. А у нас там – всего около года. И всё. Кто же об этом знал? Я только и успел с семьёй побыть, в себя прийти, оправиться. Да и вернуться сюда не так просто получилось. Боги, они не всегда и не во всём помочь могут. Только на них одних нельзя полагаться, надо и самому хорошо постараться. Ладно, ладно! – почувяв, как внезапно в комнате запахло озоном, постарался быстро оправдаться. Боги, они всё видят и слышат, когда хотят этого. Жаль, что редко хотят. – Не совсем самому, но сообразить всё-таки удалось, как вернуться можно. С помощью Грома вернулись. Давал мне подсказку Перун, но я как-то мимо ушей её пропустил, а тут вспомнилось, решил проверить, и получилось. Так и вернулся, да не один, а с супругой. Сын только не захотел с нами идти, решил пока там остаться. На всякий случай возвращались к храму Будимира.

И так выходит, что правильно сделали, что туда вернулись. Когда в Псков добирались, посмотрел на Старую Ладугу, на Нарву, поговорил со старыми друзьями, посмотрел, как там люди живут. Здесь ещё ничего не видел, почти ничего. Вот коротенько и всё.

– Тогда так решим. Для всех ты вернулся, завершив свои дела на родине, как и было сказано ранее. Звание боярское тебе оставляем, впрочем, тебя его и не лишали, оно же у тебя наследственное, детям твоим перейдёт. Если сын сюда придёт или решите ещё детишек народить... А что? Ты, боярыня, на себя посмотри, потом головой мотай. Поживи пока спокойно, в дела войди, глаза людям намозоль, чтобы пересуды затихли. Тогда и подумаем, что дальше делать, чем вам заниматься. Дома ведь всё равно не усидите?

– Да, не усидим. Не для этого вернулись. Сидеть и там можно было, – кивнул головой, подтверждая сказанное.

– Вот! А Горивой со стороны присмотрит за вами, мало ли. Да ты не вскидывайся! – поднял примиряюще ладонь. – Охранит вас в случае чего. Времени много прошло, пока люди тебя узнают, вспомнят, пока слухи разойдутся. Пусть лучше присмотрит, от беды подальше.

– Если только так.

– А ты думал? Ладно, давай обнимемся, да прощаться пора. Рассвет вон за окошком уже небо красит. Засиделись. Ну, чего застыл? Молодец, что вернулся! Ох и наворотим теперь дел! Да, арбалеты свои можешь из-под стола вытащить и разрядить, не понадобятся они тебе сегодня.

Так и сделал под ехидный смешок Горивоя, положил оба своих самострела на стол, как раз напротив почти такого же размерами, только смотрящего острым жалом в нашу сторону. Того самого, который безопасник в самом начале разговора на стол выложил.

Закончилось наше секретное совещание-встреча, даже не знаю, как и назвать его, разошлись утром под тревожное мычание выгоняемых на пастбище коров из-за северной стены. Супруга потянула было в горницу хоть немного поспать, но, честно говоря, отправил её одну, а сам остался подумать, разобраться с услышанным, не до сна как-то. Если первый приём в Кроме ошеломил, то сегодняшняя ночная встреча просто-таки озадачила. Нет, когда-то давным-давно, ещё в той жизни, мелькала у меня где-то глубоко в подсознании такая правильная, как оказалось, мысль, что не всё так просто будет с княгиней, тогда ещё графиней де Фезен-сак, когда я её нашёл в густых лесных зарослях на далёких берегах Испании, скрывающейся от грабящих побережье нурманских воителей и подступающих с юга османских войск. Вот и сбываются мои давние тревожные прогнозы.

В комнатах душно, надышали за ночь, тихонько вышел на крыльцо, поскрипывая половицами. Хотя на кухне уже вовсю гремела посудой Весея, во дворе началась какая-то суматоха, моментально угасшая с моим появлением, только в разные стороны девки порскнули. Постоял немного, спустился по вытертым ступенькам на утопанную землю, оглянулся. Уже сточить доски крылечка успели, сколько же народу здесь проходит, ногами шоркают? Всего-то чуть более десятка лет стоят. Надо бы обновить, а то терем всё-таки боярский, несолидно.

Пусто вокруг, все разбежались. За спиной дверь скрипнула, заставив повернуться. Супруга обеспокоилась, проснулась. Вернулся на крыльцо, приобнял, чмокнул в макушку.

– Поспи, я пройдусь немного. Слишком много впечатлений для одного дня.

– Может, мне с тобой?

– Да нет, не беспокойся, всё уже хорошо.

– Тогда пойду на кухню, завтрак приготовлю.

– Хорошо, скоро вернусь. До реки дойду, посижу, воздухом подышу.

Пошёл было в сторону мастерских, да передумал тут же. Что мне там сейчас делать? Надо сначала с Головной обо всём переговорить, разузнать о состоянии дел, кто чем живёт и дышит. Потом можно и конкретно вникать. Так что осталось или на фермы идти, чего совсем не хотелось, или на пристань, которую уже вчера посетил, или к бане. Туда и пойду, посмотрю, что

там осталось. Откуда-то вывернулся Гром, чумазый, весь в каком-то сене, но морда довольная. Подошёл неспешно, ткнулся в руку лобастой башкой, прихватил кончики пальцев мягкими губами, пристроился рядом и потрусил лениво, потряхивая ушами, ловя пастью осыпающиеся с головы сухие травинки.

– Ты где был, бродяга? Когда улизнуть успел?

Так и не дождавшись ответа, потопали вдвоём к берегу. Как стояла моя банька, так и стоит, ничего не изменилось, только потемнели брёвна чуть-чуть от времени. Заглянул в двери, втянул носом банный дух. Рабочая! Топят! Надо бы и мне сегодня попариться с дороги, смыть с себя все тревоги и волнения.

– А я думал, что ты в первую очередь к кузне придёшь. Не угадал.

Оглянулся, узнавая голос мастера.

– Хотел сначала с тобой поговорить, потом уже куда-нибудь идти. С бухты-барахты соваться не с руки. Да и помнит ли меня народ? Пусть сначала привыкнут, узнают, вспомнят, в конце концов.

– Что ты себе напридумывал? Все тебя помнят! Новых людей у нас мало появилось, все прежние. Скорее, от нас многих князь себе забрал, – с явной обидой подошёл ближе мастер.

– Надо бы к вечеру баньку истопить.

– Истопим.

Даже не знаю, что говорить. Как-то не по себе, столько лет пролетело. Пересилил себя, махнул рукой мысленно на сомнения.

– Не думал я, что на столько лет задержусь. Ты уж прости меня.

– Ты что, боярин? Даже и не думай прощения просить. То только твоё дело. Вернулся, и хорошо. Мы по первости сильно переживали, что ты пропал. Потом, конечно, привыкли, но всё равно ждали. Это же всё вокруг твоё, сколько народу тебе всем обязаны. А теперь заживём. Да ещё и боярыню привёз, совсем хорошо будет. А я тебе всё расскажу, введу, как ты говорил, в курс дел. Вот прямо сейчас и начну.

Постепенно разговорились, тягучее чувство мнимой и потому особенно неприятной вины постепенно растворялось в монотонном говоре моего старого товарища. Прошли по всей крепости, заглянули в каждую мастерскую, куда уже начали подходить работники. Пошли было в сторону верфи, но пришлось прерваться. Супруга перехватила, про завтрак-то я совсем забыл! Но и Головню не отпустила, потянула за собой, как он ни упирался. Пришлось мастеру составлять мне компанию. После завтрака Головню отозвала в сторону наша кухарка и о чём-то ему эмоционально, почти неслышно, выговаривала, вызвав у меня понимающую улыбку. Наверняка высказывала свои обиды, что боярыня сама завтрак готовила. Ничего, всё утрясётся со временем. Еле отбившись от наскоков поварихи, смущённый мастер вернулся, разводя руками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.